Птушкі і Мы

№1 (26) 2015

Разам для прыроды і людзей

www.ptushki.org | www.birdwatch.by

Чырвоная кніга вакол нас

ФИАЛКА ТОПЯНАЯ
ФІЯЛКА БАГНАВАЯ
VIOLA ULIGINOSA BESS.

ОДНОЦВЕТКА ОДНОЦВЕТКОВАЯ
АДНАЦВЕТКА АДНАКВЕТКАВАЯ
MONESES UNIFLORA (L.) A.GRAY

ЛУННИК ОЖИВАЮЩИЙ
ЛУННІК АЖЫВАЮЧЫ
LUNARIA REDIVIVA L.

ЛАПЧАТКА БЕЛАЯ
ДУБРОЎКА БЕЛАЯ
POTENTILLA ALBA L.

ДРОК ГЕРМАНСКИЙ
ЖАЎТАЗЕЛЬ ГЕРМАНСКІ
GENISTA GERMANICA L.

ЧИНА ГЛАДКАЯ
ЧЫНА ГЛАДКАЯ
LATHYRUS LAEVIGATUS (WALDST. ET KIT.) GREN.

ШАЛФЕЙ ЛУГОВОЙ
ШАЛФЕЙ ЛУГАВЫ
SALVIA PRATENSIS L.

ВОДЯНОЙ ОРЕХ ПЛАВАЮЩИЙ (ЧИЛИМ)
ВАДЗЯНЫ АРЭХ ПЛАВАЮЧЫ (ЧЫЛІМ)
TRAPA NATANS L.S.L.

КУВШИНКА БЕЛАЯ
ГАРЛАЧЫК БЕЛЫ
NYMPHAEA ALBA L.

АРНИКА ГОРНАЯ
КУПАЛЬНІК ГОРНЫ
ARNICA MONTANA L.

Фота Аркадзя Скуратовіча, Дзмітрыя Дубовіка

Вокладка:
Звычайная туркаўка *(Streptopelia turtur)*
Фота Дзмітрыя Якубовіча

Галоўны рэдактар:
Аляксандр Вінчэўскі
Адказны рэдактар: Сяргей Зуёнак
Рэдакцыйная рада:
Алег Кальчанка
Аляксей Цішачкін
Віктар Фянчук
Вікторыя Церашонак
Ганна Трафімчук
Мікалай Чэркас
Вёрстка: Міхаіл Пракапенка

№ 1(26), 2015
Выходзіць з 1999 г.
Перыядычнасць 2 разы на год
наклад 1000 паас.
Рэгістрацыйны №727
ад 12.09.2009 г.
Міністэрства інфармацыі
Рэспублікі Беларусь

Наш адрас:
ГА “Ахова птушак Бацькаўшчыны”,
вул. Парнікоая, 11, пам. 4,
220114, Мінск, Беларусь.
Тэл. (017) 263 01 30,
факс (017) 263 06 13.
E-mail: info@ptushki.org
www.ptushki.org

Для карэспандэнцыі
а/с 306, Мінск, 220050, Беларусь.
Дзейнасць
ГА “Ахова птушак Бацькаўшчыны”
падтрымліваецца
Каралеўскім таварыствам аховы
птушак (RSPB), партнёрам BirdLife
International у Вялікабрытаніі.
ГА “Ахова птушак Бацькаўшчыны”
з'яўляецца афіцыйным партнёрам
BirdLife International у Беларусі.
Надрукавана ў друкарні
ООО «ПОЛИКРАФТ»,
Ліцэнзія № 02330/466 ад 21.04.2014 г.
Замова №

Паважаныя сябры,

вы трымаеце ў руках спецыяльны нумар часопіса АПБ, прысвечаны праекту “Аб'ядноўваемся вакол прыроды”, фінансаванага Еўрапейскім саюзам. Як вы разумееце, дзейнасць грамадскай прыродаахоўнай арганізацыі немагчымая без дапамогі мясцовага насельніцтва. З верасня 2014 года мы надавалі шмат увагі ўсходнім рэгіёнам Беларусі, і хацелі б падзяліцца некаторымі вынікамі нашай працы.

Мы правялі 40 матывацыйных сустрэч з удзелам больш за 700 чалавек, арганізавалі каля 100 тэматычных урокаў для вучняў Магілёўшчыны і Гомельшчыны, правялі 12 трэнінгаў для 208 настаўнікаў і навучылі іх карыстацца сайтам “Біяразнастайнасць Беларусі” (www.florafauna.by). Клубы “Крылаты дазор” арганізаваныя ў 98 адукацыйных установах і ўжо актыўна ўдзельнічаюць у кампаніях і акцыях АПБ. Вялікія надзеі звязаныя і з студэнтамі чатырох вышэйшых устаноў Гомеля, Магілёва, Горак і Мазыра. З ГГУ ім. Ф.Скарыны і МДПУ ім. Шамякіна мы падпісалі дамовы пра супрацоўніцтва.

Мы спадзяёмся, што матэрыялы гэтага выпуску будуць цікавымі і карыснымі як для нашых даўніх сяброў, так і для тых, хто толькі далучыўся да вялікай сям'і АПБ.

З пажаданнямі цёплага лета, поўнага на сустрэчы з птушкамі,
Аляксандр Вінчэўскі,
дырэктар АПБ і галоўны рэдактар ПіМ,
Кацярына Прысяжнюк,
менеджар праекта АПБ “Аб'ядноўваемся вакол прыроды”

Данное издание подготовлено в рамках проекта
ENPI/2012/305-884 "Объединяясь вокруг природы".
Проект реализуется ГА "Ахова птушак Бацькаўшчыны"
при финансовой поддержке Европейского союза.
За содержание издания несет ответственность
ГА "Ахова птушак Бацькаўшчыны", и ни при каких обстоятельствах оно не отражает позицию Европейского союза.

Михаил Никифоров: «Свой первый определитель птиц я сделал в 5-м классе»

Страничка из полевого дневника с описанием

О научных глубинах, жизни в лесу и гнезде зарянки в шкафу – в интервью с академиком НАН Беларуси, доктором биологических наук, профессором Михаилом Никифоровым.

Созвониться с Михаилом Ефимовичем мне удалось с шестого раза, а встретиться – и вовсе в выходной день. Вместе с коллективом он пришел на субботник, а после обеда около двух часов рассказывал мне про птиц: просто, понятно, на одном дыхании. И с неподдельной искоркой в глазах, которая с годами не тускнеет, а приобретает все новые оттенки. Уже через пять минут понимаешь: человек – на своем месте. Какое счастье встречать таких!

– Михаил Ефимович, Вы изучали птиц и в 80-х, и сейчас. Как изменилась белорусская орнитология за это время?

– Если говорить о науке, то пришло понимание того, что простые вещи уже достаточно изучены. И наблюдение за птицами с констатацией увиденного не есть сегодня наука, ибо это кто-то уже и увидел, и описал ранее. У чибиса гнездо на земле, сизоворонка питается насекомыми – это скорее познание птиц для самого себя. Если посмотреть литературу – все это известно. А наука – это создание новых знаний, открытие каких-то явлений, свойств или закономерностей. И вот наука в последние десятилетия стала более серьезной. Ученые погружаются в более глубокие вещи, исследования проводятся на молекулярном, генетическом уровне, с применением сложных технических средств и приборов.

– Какие достижения и результаты в орнитологии можно отметить?

– Разработана стратегия спасения и сохранения вертлявой камышовки – достижение, которое стало возможным благодаря сотрудничеству с зарубежными коллегами. Хорошие работы проведены по миграциям куликов, по большой выпи. На научной основе отсортированы виды для Красной книги, которые нужно взять под охрану. Много новой информации собрано по аистам, сейчас продолжается серьезная работа по большому подорлику. Можно брать фамилию любого орнитолога, который защитил диссертацию, и у каждого есть свои достижения. До этого были хорошие работы по тетеревиным, по хищникам. Я был научным руководителем работ восьми орнитологов, которые стали кандидатами наук: каждый поднял важные вопросы. Многие сейчас отмахиваются: зачем писать эти работы? Но именно это позволяет оставить свой след в истории орнитологии. И это будет как памятник исследователю: вопрос изучен.

– А если человек не хочет писать работы, но при этом помогает на своем уровне?

– Орнитологию можно разделить на два блока: серьезная наука и занятие птицами на уровне любительского наблюдения. Второе можно назвать орнитологией с натяжкой. Но именно такая работа помогает находить новые виды, отмечать изменения ареалов видов. Бердвотчеры создают базу для дальнейших научных обобщений, на своем уровне пытаются что-то делать, или работают в связке с учеными. Пример того, как наука и любители птиц под эгидой АПБ хорошо сработали вместе – это, опять-таки, работа по сохранению вертлявой камышовки. Стоит отметить и другие заслуги АПБ: Клуб-200, хранители ТВП, «Крылатые дозоры» школьников… Многим людям нравится природа, но они не знали, что можно сделать для ее пользы. АПБ рассказала, как можно помогать природе и при этом реализовывать себя.

«Чтобы редкие виды птиц не пошли по пути зубра»

– На что нужно обращать внимание современным орнитологам?

– Во многом работа орнитологов базируется на результатах мониторинга. Часто проблемы появляются внезапно: изменились условия – вид стал исчезать. Чем раньше узнаем – тем быстрее сможем принять меры, пока не наступило кризисное состояние. Например, почти исчезла сизоворонка, и никто не знает причин. Почти исчезла авдотка. Что делать? В силах ли мы удержать эту птицу? Изменяется окружающая среда, города разрастаются и захватывают все больше территорий у природы… В таком случае важно контролировать, чтобы количество территорий, где концентрируются редкие виды, не становилось меньше. Наша задача – сохранять птиц на уровне природных популяций, чтобы потом не пришлось их искусственно разводить, как сейчас происходит с зубром.

– Над чем еще стоит поработать?

– Опять сокращается численность тетеревиных птиц. В 90-х годах, когда многие поля были заброшены, зарастали, количество тетеревов увеличилось. Теперь снова падает.

Это конфликт птиц и развития сельского хозяйства: будет или одно, или другое. А чтобы, например, тетерев спокойно расхаживал по парку – такого никогда не произойдет. Есть много отдельных проблем, которые уменьшают количество птиц: загрязнение водоемов, зеркальные здания и прозрачные ограждения… Для выявления возможных угроз тоже нужен мониторинг.

Стоит сказать, что официально система мониторинга животного мира у нас в стране организована: наблюдения ведут ученые, сотрудники нацпарков и заповедников. Есть исследователи, которые изучают отдельные группы или виды. Есть центр, куда стекаются все данные, работает система анализа данных, что позволяет заметить проблемы. Но пока это все в очень ограниченном масштабе, и всегда есть к чему стремиться.

Михаил Никифоров – первый Президент АПБ (являлся Президентом АПБ на протяжении пяти лет, председателем АПБ на протяжении одного года, членом Центрального Совета АПБ – на протяжении девяти лет).

Участники восьмой Всесоюзной орнитологической конференции, 1981 год (слева направо: Михаил Никифоров, Петер Янков, Евгений Карев, Владимир Храбрый, Борис Яминский)

«Если сохраним беркута – сохраним и другие виды птиц»

– Что, на ваш взгляд, угрожает биоразнообразию Беларуси и как этого избежать?

– Нужно создавать условия, чтобы сохранялась, прежде всего, наиболее уязвимая часть биологического разнообразия, то есть редкие виды. На них, как известно, и сориентирована Красная книга. А среди редких еще выделяются так называемые флагманские виды – крупных размеров, привлекательные, символичные. ТВП направлены на такие флагманские виды, заказники создаются в местах их обитания. Если мы сохраним, например, беркута – то сохраним и многие другие виды в лесах и болотах.

– Достаточно ли людей задействовано в белорусской орнитологии?

– Всегда будет казаться, что мало. Но их столько, сколько есть. Нельзя заставить человека. Нужно не только привлекать людей, а заинтересовывать. Широкое освещение – залог успеха. Чем больше громких информационных акций – тем лучше. Именно из них молодой человек узнает, как поет соловей, и поет он прямо у него возле дома, узнает, что за кулик кричит на болоте и сколько там видов этих куликов. Увлечется – сам придет в науку.

«Увидел заросший Туровский луг – внутри такая утрата»

– Назовите одну-две, на Ваш взгляд, самые громкие «истории успеха» АПБ.

– Сейчас я не так плотно связан с работой АПБ, но всегда рад услышать об организации. Самой большой заслугой АПБ считаю массовые акции, которые привлекают широкий круг людей. «Базовые» достижения организации, я считаю, это бюллетень «Subbuteo», птица года в монетах, наклейках, фотоконкурсы, тот же ПиМ, Крылатый дозор, из более поздних – Фестиваль куликов, «Соловьиные вечера», спортивная орнитология, другие массовые мероприятия. Вывести людей в лес, показать птиц – это великолепно! Именно так воспитывается бережное отношение к природе, к птицам. Результаты научных проектов, которые проходили через АПБ, также очень важны: это и спасение Ельни, и работа на Туровском лугу. Я один из тех, кто видел этот луг раньше: там не было ни кустика. Вода, песок, трава – тундровый ландшафт. Потом долго не был в тех краях, а когда увидел, как все заросло – внутри такая утрата, как будто что-то ценное потерял. Уходит образ жизни, который поддерживал луга в благоприятном для птиц состоянии. И АПБ, и ученым важно продолжать работу на Туровском лугу, иначе мы можем утратить птиц открытых пойменных лугов.

– Какой Вы видите АПБ в ближайшие пару лет: на какие проекты стоит сделать упор, на что важнее обратить внимание?

– На эколого-просветительскую и воспитательную работу. Ниша общественных организаций – это работа со школьниками, студентами. Никто лучше вас не расскажет о такой области интересов, как природа, птицы. Вспомните, что происходит в школе: ботаника, зоология, все усреднено. А если придет АПБ – тематические занятия, плакаты, буклеты: интересно! Тогда дети будут знать названия птиц, как они выглядят, и что еще важнее – знать их проблемы. Или тот же фестиваль куликов: пока школьники готовят выступления, они проникаются. Надо любить природу и уметь работать с людьми: и с малышами, и с пенсионерами. Человек – существо социальное, он последует за вожаком. Если заинтересуется – то свяжет с природой свою жизнь, кто-то и в науку придет. А чем больше будет ученых – тем больше новых и более глубоких знаний.

«Белорусы – не самая культурная нация по отношению к природе»

– Белорусы любят природу?

– Есть люди, которые искренне переживают за природу. Но многие относятся к ней безобразно. Это факт, и это ни от кого не скроешь. Посмотрите на леса, на берега водоемов. Да, есть порывы собрать школьников, провести уборку. Но сказать, что все воодушевлены, нельзя. Жуткая ситуация и в дачных кооперативах. На своих участках у людей ни соринки. А за заборами – страшно посмотреть. Так что мы, видимо, не самая культурная нация по отношению к природе.

– Когда Вы видите такое, не опускаются ли руки в работе?

– Не скрываю: меня это очень расстраивает. Но в одночасье изменить ситуацию нельзя. Должен быть образец, мотивация. Должна вестись работа в детском саду, школе, в семье – тогда будет результат. Если не доходит внушение – применять наказание. Как сейчас за браконьерство: поймают охотника или рыболова за нарушение – штраф, мало не покажется. И это действует.

«Открыл энциклопедию – и меня зачаровало»

– Как и когда Вы увлеклись птицами?

– В серьезную науку, я думаю, приходят люди, которых я называю фанатиками. Выучиться на такого нельзя: фанатиками рождаются. У кого-то на первом месте самолеты, вертолеты, динозавры, а у кого-то – птицы. Меня с детства тянуло к природе. С 10 лет я жил, по сути, в лесу. Родители работали в санатории, и дом сотрудников был в лесу. Сначала очень привлекали растения, и вообще все живое. Оно ведь постоянно меняется!

– А как с растений перешли на птиц?

– У меня в школе был товарищ, заядлый голубевод. За компанию таскал меня по крышам и чердакам смотреть голубей. Там еще гнездились галки, воробьи, стрижи. Так я впервые увидел гнезда, яйца, как это все устроено. Стал смотреть и на других птиц. Но знаний

Школьные годы

Михаил Никифоров – директор ГНПО «НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам»

не хватало, пошел в библиотеку. Как открыл энциклопедию – меня зачаровало: такое разнообразие!

После этого я стал не просто ходить по лесу, а искать гнезда. И этот поиск меня увлек.

– Как Вы учили виды птиц?

– Я уже в школьном возрасте решил, что нужно сделать какой-то определитель птиц. У нас в санаторской библиотеке такого не было. Взял общую тетрадь, разрезал и сделал из нее блокнот. Стал собирать информацию, зарисовывал птицу, гнездо, размеры. Потом обратил внимание, какие у птиц разные клювы, стал зарисовывать и их. Кое-что переписывал в свой определитель из других книг.

– Сколько Вам было лет?

– Точно не помню, думаю, пятый класс. Тогда растения отошли на второй план, и я окончательно увлекся птицами. Скоро в ближайшем лесу мне стало тесно. Все птицы были знакомы, и я не мог понять: а где остальные виды, о которых пишут в книгах? Стал ходить все дальше от дома. К примеру, когда нашел гнездо камышницы, было такое счастье, как будто нашел гнездо райской птицы! Такие яркие моменты из детства остаются в памяти на всю жизнь. Конечно, тогда я не думал ни про поступление в вуз, ни уж тем более про науку. Просто хотел сделать определитель, чтобы знать птиц.

– Сколько птиц умещал Ваш школьный определитель?

– Тяжело сейчас вспомнить, под сотню птиц было. И это помогло мне в будущем. Школьные опыты чуть позже, в студенческие годы, переросли в новую общую тетрадь. Именно на этих страницах развернулась подготовка к созданию определителя «Птицы Белоруссии». Так собирался материал, здесь мои наблюдения с 1976 года. В 1989 году это вылилось в книгу «Птицы Белоруссии: справочник-определитель гнезд и яиц». Потом мы создали в Институте зоологии банк данных, стали заносить все на карточки, и необходимость в этой тетради отпала. Тут все зачеркнуто, когда переносил сведения, чтобы не внести данные дважды. Но выбросить тетрадь не поднялась рука. Даже переклеил обложку, чтобы сохранить.

«Над моим крыльцом гнездится снегирь»

– Каково это – быть академиком-орнитологом? Есть ли у Вас сейчас возможность наблюдать за птицами?

– Конечно. Я по-прежнему живу в лесу, на окраине Минска. На участке у меня таежный уголок, много растений, так что и птиц тоже много. Прямо над моим крыльцом гнездится снегирь. Не каждый орнитолог в своей жизни находит гнездо снегиря, а у меня он живет. Зеленушки, зарянки, трясогузки, два вида горихвосток, скворец, славка-завирушка, пестрый дятел, мухоловка-пеструшка, большая синица, лазоревка – всем находится место. На участке весной держатся крапивник и лесная завирушка. В жару купаться в ручей и попить слетается уйма видов – дрозды: черный, рябинник, певчий; дубоносы, зяблики, чижи, хохлатые синицы, гаички, клесты-еловики, теньковки – и это только завсегдатаи. В зоне видимости – гнездо ворона, в некоторые годы его занимает чеглок. Вокруг много соек, серых ворон, на туях гнездится сорока: всегда залетает с другой стороны дерева и думает, что я ее не вижу (смеется). Зимой на кормушке – дятлы, синицы, воробьи, поползни, московок много, когда урожай шишек у туй… Так что наблюдений за птицами хватает. Но это уже скорее не для науки, а для души.

– А специально выезжаете смотреть птиц?

– В последнее время очень редко: не так много времени, да и цели сейчас другие. Так что в некоторой степени завидую тем, кто может сорваться с места и ехать смотреть мандаринку или шилоклювку. Пока готовили определитель птиц, довелось немало поездить, ведь нужно было найти гнезда редких видов: и колонии щурок, и кедровку, и авдотку. Хотя иногда очень сложно найти гнездо и обычного вида. В прошлом году нашел гнездо зарянки у себя… в шкафу. Стоял на улице возле гаража, а птица среди молотков и проволоки наложила листьев и сделала гнездо. Я издалека на нее посматривал, чтобы не спугнуть. В итоге она так освоилась, что стала вылетать на меня и защищать свою территорию.

«Посмотрите в глаза птицы – и все по-другому…»

– Боюсь спросить: остались ли в Беларуси виды птиц, которых Михаил Никифоров не видел?

– Да, и немало. Особенно виды, которые залетали в последнее время: горная трясогузка, горный конек – их я не видел, хоть бердвотчеры ездили, смотрели. Трехпалой чайки не видел, плосконосого плавунчика. У нас недавно загнездилась северная бормотушка, ее не видел. Но вы знаете, я всех этих птиц себе очень хорошо представляю. Сейчас доступно много фото и видео.

– А можете посчитать, сколько видов птиц видели?

– Как-то давно считал, а потом перестал. Я не участвую в соревновании «кто увидит больше видов». У молодежи больше свободного времени, пусть наблюдают и становятся лидерами. Меня больше интересуют история развития орнитофауны, ископаемые виды. В общем, у меня свои рекорды в других сферах.

– Какую птицу можно сделать туристическим брендом Беларуси?

– Бренд нельзя просто придумать, он всегда требует раскрутки. На мой взгляд, у нас два вида: белый аист и глухарь. Это известные символы страны, которые вышли из народа: в Беларуси – ядро популяции аистов, а глухарь – символ лесов, которыми наша страна богата. Придумать новые птичьи бренды можно. Но вопрос в другом: нужно ли? Может достаточно и этих? Дополнением может быть птица года, которую АПБ выбирает. Это отличная идея, которую нужно развивать.

– Есть ли у вас любимая птица?

– Никогда не выделял для себя любимой. Все птицы совершенны. Каждая интересна своим качеством. Это только сначала кажется, что она серенькая и неприметная. А иногда достаточно посмотреть в ее глаза – и все по-другому…

Виктория Терешонок, специалист АПБ по связям с общественностью.
Фото – из архивов Михаила Никифорова

Стекла-убийцы

Птицы и антропогенные напасти

О стекла в нашей стране разбиваются более полутора миллиона птиц в год!

Зимой 2008 года 176 свиристелей разбились о стеклянный шумозащитный экран в Бресте. Но гораздо больше пернатых, натыкаясь на стекла, погибают поодиночке. Прошлой осенью у корпуса научного отдела Березинского биосферного заповедника я с коллегами нашел полуживого снегиря, ударившегося о стекло. Особенно много птиц погибает во время весенней и осенней миграции, когда они оказываются в непривычной для себя среде и встречают созданные человеком невидимые стеклянные «ловушки» – окна и прозрачные шумозащитные экраны у дорог. Однако строительные нормы в нашей стране пока не предусматривают даже элементарных мер по защите пернатых.

Впрочем, в Беларуси, где проводились исследования о влиянии линий электропередач и автотранспорта на гибель птиц, до сих пор никто особо не задумывался о масштабах проблемы, которую создают прозрачные поверхности. В США по результатам 23 местных исследований специалисты сделали вывод, что о стекла ежегодно разбивается насмерть от 365 до 988 миллионов птиц (2014). Это до 10 % численности всех птиц США. Здания высотой 1–3 этажа «убивают» 44 % птиц, 2–11-этажные – около 56 %, небоскребы – меньше 1 %. На одно невысокое здание приходится гибель всего нескольких птиц, тогда как на один небоскреб – в среднем 24 особей. Стекла – вторые по успешности убийцы после домашних котов, которые в США, согласно последним исследованиям (2013), убивают от 1,3 до 4 млрд. птиц ежегодно. Охота, столкновения с транспортом или ветряками не стоят даже рядом.

В окно моей квартиры на третьем этаже в пятиэтажном доме только однажды на полной скорости врезался сизый голубь. От него на стекле остался странный дымчатый силуэт. Птица отлетела от здания, но вряд ли она выживет после такого удара. Британские орнитологи подсчитали, что треть птиц, ударившихся об окна, погибает.

Ежегодно, разбившись о стекла, погибает примерно столько птиц, сколько зданий в стране, считают орнитологи из Швейцарии. Как сообщает специалист Национального кадастрового агентства Владимир Немик, в Беларуси сейчас зарегистрировано 1 млн. 668 тысяч зданий. При подсчете по швейцарской методике получается, что о стекла в нашей стране разбиваются более полутора миллиона птиц в год! Тем не менее в Беларуси пока не применяются строительные нормы по защите пернатых от столкновений.

Певчий дрозд весной разбился о ничем не примечательное окно офиса на третьем этаже в здании Белгидромета в Минске. Тушки разбившихся о стекла певчих птиц лежали вдоль стеклянной галереи на крыше первого этажа Минского международного аэропорта. Большинство погибших или раненых птиц под зданиями подбираются бродячими собаками или рано утром собираются уборщиками. Все же статистика по разным зданиям и сезонам в Беларуси была бы интересной и позволила бы АПБ выступить не с голословными заявлениями. Хорошо бы собрать ее на специальном сайте АПБ florafauna.by, нужно только отмечать правильно причину гибели птицы, тем более, что сфотографировать ее для определения специалистами не составит труда.

В природе не существует ничего похожего на стекло, и птицам сложно научиться избегать этого невидимого врага. Их обманывают зеркальные поверхности, в которых отражаются кусты и деревья. Очень часто птицы натыкаются на стекла, через которые видны какие-либо зеленые укрытия или небо.

Гостиница № 4 в национальном парке «Беловежская пуща» с «привлекательными» для птиц зеркальными стеклами

Беспощадные стекла музея собирают с птиц свою «дань»

Между тем относительно недавно в Национальном парке «Беловежская пуща» сделали зеркальной одну из наружных стен нового музея. Сейчас возле этой стены регулярно можно увидеть трупики птиц. Непонятно, зачем ради мнимой «красоты» создавать смертельные ловушки для пернатых, да еще на особо охраняемой природной территории?

Что делать?

Наблюдения в Смитсоновском национальном зоопарке в Вашингтоне показали, что размещение на стеклах вольеров наклеек-птиц значительно уменьшает количество гибнущих пернатых. На Западе такие наклейки используются при строительстве зданий уже не одно десятилетие. В Беларуси элементарными птицезащитными устройствами снабжен разве что шумозащитный экран на минской кольцевой дороге в районе Жданович – на каждом стеклышке наклеен черный силуэт птицы. В принципе неважно, что наклеено на стекло – силуэт хищника, вороны или трактора – любая наклейка делает стекло видимым для птиц и спасает их от гибели. Непрозрачные шумозащитные экраны (ул. Подольная в Гродно) также безопасны для птиц.

Швейцарские орнитологи рекомендуют для защиты птиц клеить на стекла не черные изображения хищников, которые плохо видны под углом, а желто-красные. Стоимость таких наклеек – примерно 1 доллар за 6 штук. В Беларуси наклеек-силуэтов в продаже пока вообще нет, но их можно изготовить самостоятельно.

Швейцарский орнитологический институт совместно со Швейцарским союзом охраны с 1997 года постоянно информируют о проблеме гибели птиц строительные организации (особенно ответственных за дорожное и гражданское строительство), архитекторов и застройщиков. В результате этой кампании на всех шумозащитных стеклянных экранах вдоль швейцарских дорог наклеена специальная пленка с полосами, отражающими и поглощающими ультрафиолет. Они невидимы для человека, но весьма заметны для птиц. Такие полосы можно нанести или заводским способом, или с помощью специального скотча. Все желающие получают специальные буклеты об оптимизации потенциально опасных для птиц построек. Сейчас застройщики при планировании стеклянных конструкций частенько обращаются к орнитологам за советом, так как использование тех или иных методов защиты птиц часто зависит от конкретной ситуации.

Швейцарцы, например, обнаружили, что шумозащитные экраны с прилегающими деревьями и кустами «убивали» в 4 раза больше птиц, чем расположенные там, где таких «приманок» не было. Рекомендуется вообще не сажать кусты и деревья возле крупных стеклянных панелей. Желательно также убрать растения от окна внутри помещений, чтобы птицы не приняли их за привлекательную среду обитания.

В ранге закона

В Сан-Франциско были приняты первые городские стандарты по безопасному для птиц дизайну фасадов зданий. Этот законодательный акт был утвержден в октябре 2011 года и обязателен к применению в районах, где угроза гибели птиц является очень высокой, для других районов закон является рекомендательным. Стандарту сопутствуют критерии оценки безопасности проектов для птиц.

Сейчас на Западе целью ставят включение птицезащитного подхода в определение «зеленого» здания и последующее создание специальных строительных норм по уменьшению опасности столкновения. Такие стандарты будут поощрять инновационные проекты архитекторов и стимулировать рост спроса на новые продукты, такие как стекло, которое видимо птицам, но не людям – возможно, это и будет идеальным высокотехнологичным решением по предотвращению столкновений птиц с окнами.

Включенная ночная подсветка зданий тоже привлекает и дезориентирует ночных мигрантов. Сейчас многие американские и европейские города, принимая участие в программе по уменьшению гибели птиц, пропагандируют отключение или сильное приглушение ночной подсветки в административных и офисных зданиях в период миграции, что помогает не только спасти птиц, но и сэкономить электроэнергию. В штате Миннесота местный закон требует, чтобы с 15 марта по 31 мая и с 15 августа по 31 октября каждый год пользователи государственных или арендованных государством зданий уменьшали угрозу для мигрирующих птиц, выключая огни здания между полуночью и рассветом до степени, необходимой для нормальной эксплуатации зданий.

Миллионы птиц могут быть спасены ежегодно. Для этого необходимо осуществить простые меры: уменьшить ночное освещение в высоких зданиях, отрегулировать внешнее и внутреннее освещение, подправить ландшафт около застройки, прикрепить на стекла наклейки, переводные картинки, полоски (не более 10 см пробел при вертикальном размещении полос и не более 5 см при горизонтальном) или специальную пленку, нанести рисунок краской, т.е. сделать окна более заметными для птиц, сделать внешние ставни или закрыть окна сеткой. Кормушки и купальни для диких птиц должны располагаться не далее 1 м от вашего окна, иначе увеличивается вероятность, что, разогнавшись, птица разобьется о стекло. Если при строительстве окна поставить отклоненными от вертикали на 20–40 градусов, они станут безопасными для птиц.

Офисные работники и жители жилых домов могут попросить комендантов зданий выключить огни декоративной подсветки и ночные прожекторы, особенно во время сезонов миграции. Если Вы живете или работаете на верхних этажах здания, оставляйте свои жалюзи закрытыми на ночь.

А тем временем в офис АПБ осенью в отдельные дни приносят по нескольку подраненных лесных куликов – вальдшнепов – ночных мигрантов, чаще всего подобранных недалеко от центральных улиц столицы.

Александр Винчевский, фото автора и архив АПБ

Гнездо смешанной пары коршунов

Гибридный слеток

Красное и черное

В жаркий июльский день раздался звонок мобильного. Беспокоил меня друг и коллега – директор Зоологического музея БГУ Александр Писаненко.

– Геннадий! Я на даче возле небольшого озера, по Брестскому шоссе. Ловлю стрекоз (Александр – дипломированный энтомолог с многолетним стажем – прим. авт.), а красный коршун с поверхности озера хватает снулую рыбу!

Надо сказать, что по Беларуси проходит граница ареала этого вида. Мне за почти 30 лет полевых исследований всего лишь раз посчастливилось увидеть красного коршуна на Витебщине. Было это лет 12 назад.

Сомневаться в том, что Александр определил птицу правильно, не приходилось: во время экспедиций на Алтай, где черный коршун – фоновый вид, ему с утра до вечера приходилось видеть десятки этих хищников. Однако на всякий случай я уточнил:

– Саша, ты уверен, что видишь красного коршуна?

– Да, на 100 %.

– Давай я в конце недели подъеду, и попытаемся проследить, куда он летает. Если повезет, найдем гнездо.

Пятница. Прихватив в электричку велосипед, выезжаю на место. Просидели пару часов возле озера, и наконец увидели коршуна. Он пролетел низко над водой, быстро выхватил рыбу, а потом поднялся над деревьями и направился вдоль речки Уса.

Вооружившись картой, мы с коллегой стали определять наиболее вероятный для гнездования участок. Километрах в 9–10 от озера – старый ольшаник, где, по всей вероятности, и мог гнездиться коршун.

На следующий день на велосипедах мы добрались до широкой поймы. Я расположился на задвижке мелиоративного канала, а Александр поехал дальше, в сторону ольшаника. За день нам удалось несколько раз проследить коршуна, приносящего корм птенцам. Участок, куда каждый раз спускалась птица, представлял собой затопленный бобрами смешанный лес.

Вечером, когда мы уже возвращались на дачу по бетонному шоссе, с небольшого расстояния наблюдали черного коршуна, который летел по направлению к предполагаемому гнездовому участку.

Интересно, может эти два родственных вида живут неподалеку друг от друга? На следующий день мы с утра спрятали велосипеды в лесу и по пояс в воде двинулись в центр участка, где, по моим расчетам, было гнездо.

В вопросах интерьера гнезда коршуны не изменяют своим привычкам

Вскоре мы заметили сидящего на сухой осине черного коршуна, слетевшего при нашем приближении. В метрах пятнадцати от присады, на березе, обнаружилось и гнездо. Оно было завалено всевозможными остатками пищи, что свидетельствовало об успешном гнездовании.

К нашему сожалению, птенцы уже вылетели. Александру удалось сфотографировать самку красного коршуна, а мне – самца черного, которые, несомненно, составляли брачную пару. Подобные случаи образования смешанных пар отмечались раньше в Швейцарии, Германии и Чехии. В Беларуси это редкое явление регистрируется впервые.

Мне очень хотелось сфотографировать птенцов, посмотреть, на кого они больше похожи. И вот через неделю мы опять посетили гнездо. Осторожно приблизившись, с близкого расстояния сняли слетка. С нетерпением ждем этого сезона: вдруг нам опять повезет, и коршуны вернутся на старое гнездовье.

Геннадий Миндлин, почетный член АПБ, фото автора

Грайна – любоў мая

Грайна вясной

Напэўна, у многіх з нас ёсць месцы, куды заўсёды цягне вяртацца зноў і зноў. Адным з такіх месцаў стала для мяне балота Грайна. Чаму так адбылося, я і распавяду ніжэй.

Гэтая гісторыя пачалася пасля таго, як у Беларусі пад канец 1990-х пачалі дэталёва вывучаць вяртлявую чаротаўку, невялікую вераб'іную птушку, якая, на жаль, знікае амаль па ўсім арэале. На працягу даследаванняў высветлілася, што амаль палова глабальнай папуляцыі чаротавак гняздуецца ў нашай краіне, таму менавіта мы адказныя за захаванне гэтага віду, які знікае. З вяртлявай чаротаўкай звязанае і заснаванне АПБ, не дзіва, што яна заканамерна трапіла і на лагатып нашай арганізацыі.

Галоўная праблема вяртлявай чаротаўкі тоіцца ў тым, што гняздуецца яна выключна на нізінных балотах, амаль паўсюдна асушаных, ды і то не на ўсіх, а толькі там, дзе расце асака некалькіх адпаведных відаў. Вывучаючы створаныя яшчэ ў савецкі час геабатанічныя мапы, мы высветлілі, што балота такога тыпу павінна было захавацца і ў 30 кіламетрах ад Гродна паміж вёскамі Грайна і Ярмолічы ў Бераставіцкім раёне. Так яно ў выніку і сталася – у пойме ракі Свіслач на невялікім нізінным балоце была знойдзена лакальная папуляцыя вяртлявай чаротаўкі. Мясцовай назвы ў гэтага балота не было, таму мы адразу сталі называць яго “Грайна”, – паводле назвы маленькай вёсачкі, якая знаходзілася побач.

У 2003 годзе згодна з рашэннем Бераставіцкага райвыканкама на аснове рэкамендацый АПБ з мэтай захавання біятопа – месца гнездавання глабальна пагражаемага віду, вяртлявай чаротаўкі, быў створаны біялагічны (арніталагічны) заказнік мясцовага значэння “Свіслач” плошчай 2317 га. Балота і навакольныя землі плошчай амаль у 3200 га атрымалі статус ТВП – тэрыторыі, важнай для птушак, міжнароднай значнасці. Праз балота праходзіць аўтатраса Гродна – Вялікая Бераставіца, якая дзеліць яго на дзве няроўныя часткі, большая з іх адміністрацыйна адносіцца да Бераставіцкага, а меншая – да Гродзенскага раёна. На жаль, заказнік быў створаны толькі на Бераставіцкай частцы балота, але часам тое, што зроблена не да канца, дае магчымасць зрабіць больш і лепш. Так атрымалася і ў гэтым выпадку.

Мы пачалі час ад часу наведваць балота і яго жыхароў, а праз тры гады правялі тут поўныя падлікі вяртлявых чаротавак. Падлікі, праведзеныя ў 2006−2010 гадах, паказалі, што колькасць самцоў гэтага віду, якія спяваюць на балоце, катастрафічна памяншаецца: з 80 да амаль 30 за чатыры гады. Хто ўдзельнічаў у падобных падліках, ведае, што справа гэта няпростая: пачынаюцца яны за гадзіну да заходу сонца і заканчваюцца праз гадзіну пасля. Па нізінным балоце з яго купінамі асакі і вадой да калена не пабяжыш, увагу ад птушак адцягваюць шматлікія камары ды мошкі. Таму падлікоўцы ў высокіх гумавых ботах рухаюцца з хуткасцю каля 1 км у гадзіну, дзе-нідзе шукаюць брод праз каналы, перапоўненыя вадой, і стараюцца трымацца на адлегласці не больш за 50 м адзін ад аднаго, каб не прапусціць ніводнага спеўнага самца і адзначыць усіх птушак на імправізаваных мапах з дапамогай GPS-навігатараў.

Праз тое, што балота насамрэч не такое ўжо і маленькае, як выглядае на мапе, а яшчэ таму, што дасведчаных у гэтай справе людзей у Гродна можна пералічыць на пальцах, прыходзілася вяртацца на балота па 5−6 разоў за сезон. Аднойчы падчас правядзення падлікаў і адбылася адна з самых смешных і незвычайных гісторый у нашай сям'і.

Мы з маёй жонкай Аленай былі вымушаны ўзяць з сабой на балота нашага малога сына Валодзю, бо яго ў той вечар не было з кім пакінуць дома. Прывёз нас і калег-падлікоўцаў на балота наш сябар Паша. Мы як маглі растлумачылі сыну, што будзем рабіць на балоце і калі прыкладна вернемся. Аднак для яго час цягнуўся значна павольней, чым для нас. Прайшло больш за дзве гадзіны, пачало змяркацца, а нас усё не было. Валодзя спалохаўся, але выгляду не падаў і прапанаваў “дзядзю Пашы” … усынавіць яго! Малы пачаў тлумачыць адзінаму даросламу чалавеку, які знаходзіўся побач, што ў якасці бонусу ён зможа атрымаць яшчэ кватэру і камп'ютар! А праз некалькі хвілін, мокрыя ад поту і падзенняў у балоце, вярнуліся да машыны і мы. Падстава для ўсынаўлення знікла, а на тлумачэнні Валодзі пра тое, што мы відавочна прапалі ў балоце і ён страціў надзею нас дачакацца, мы не ведалі, што рабіць, − таму і плакалі, і смяяліся адначасова…

Як гэта звычайна бывае з ТВП, яны выяўляюцца важнымі не толькі для некаторых, няхай і вельмі рэдкіх, відаў птушак. Мы ўсё больш даведваліся пра балота і навакольныя мясціны, спіс адзначаных тут відаў птушак паступова перавалiў за сотню, сярод рэдкіх відаў, акрамя вяртлявай чаротаўкі, тут гняздуюцца вялікі грыцук, балотная сава, чапля-бугай, шэры журавель, тысячамі і дзясяткамі тысяч прыпыняюцца вясной гусі, баталёны, кнігаўкі, залацістыя сеўкі і іншыя кулікі і качкі многіх

Балота з'яўляецца важным месцам адпачынку для міграцыйных вадаплаўных птушак…

відаў. А ў 2007 годзе нашы калегі-батанікі пад кіраўніцтвам Алега Созінава дакладна даследавалі раслінны свет Грайны і знайшлі тут 263 віды сасудзістых раслін, з якіх дзягіль балотны і сіела прамастаячая занесеныя ў Чырвоную кнігу Беларусі.

Мы ўвесь час думалі, як далучыць да заказніка не менш каштоўную Гродзенскую частку балота, але ўвосень 2012 года сітуацыя нечакана змянілася. На рацэ Нёман увялі ў дзеянне гідраэлектрастанцыю, дзякуючы чаму падняўся ўзровень вады і ў Свіслачы, якая ўпадае ў Нёман крыху вышэй за плаціну ГЭС.

Свіслач (нёманская) – незвычайная рака. Недалёка ад яе цяперашняй поймы ў вёсцы Мацеевічы былі знойдзены рэшткі стаянкі старажытных людзей так званай “культуры шарападобных амфар”, якая прыкладна 5 тысяч гадоў таму была распаўсюджана па ўсёй Еўропе. Сама рака пачынаецца ў Беларусі каля горада Свіслач, бяжыць у бок Польшчы і некалькі кіламетраў пятляе па мяжы з гэтай краінай. Ад мяжы і да балота Грайна рака выглядае як шырокі канал, а ўжо далей аж да самага вусця зноў цячэ ў сваёй натуральнай даліне.

Нашы даследаванні паказалі, што наяўны заказнік варта пашыраць на ўсю натуральную пойму Свіслачы, дадаткова ўключыўшы ў яго новаўтвораныя вадасховішчы – часткова на Нёмане каля вусця Свіслачы і непасрэдна ўздоўж яе ў наваколлі вёсак Карозічы і Рудавіцы. Наша прапанова трапіла ў дзяржаўныя планы і сёлета павінна ажыццявіцца – тут паўстане новы заказнік, агульная плошча якога складзе 5500 га.

Каб падрыхтаваць абгрунтаванне пашырэння заказніка, мы пачалі, дзякуючы праектам, падтрыманым REC (Рэгіянальным экалагічным цэнтрам для краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы), штотыдзень выязджаць на балота і ў даліну Свіслачы з вадасховішчамі.

Падчас гэтых паездак на працягу двух апошніх гадоў нам удалося адзначыць тут даўгахвостага паморніка (трэцяя рэгістрацыя ў Беларусі), шыладзюбку, хадулачніка, куліка-стучка, чырвонаносых ныркоў, даўганосых савукоў, чапляў-квакваў, белашчокіх казарак, пярэстую качку, чырвонага каршуна, ныркоў-свіркоў і плёсавак, шчурак-пчалаедак, горных чачотак, рагатых жаўрукоў, сняжурак, малых чаек, сокалаў-падарожнікаў і дрымлюкоў. А ў цёплыя зімы тут сталі зімаваць не толькі

Сведка ледніковай эпохі

каля сотні лебедзяў-клікуноў, але таксама і малыя лебедзі, гусі: шэрыя і гуменніцы, а таксама шэрыя жураўлі.

Каб падзяліцца з мясцовымі жыхарамі інфармацыяй пра прыродную каштоўнасць гэтых мясцін, мы не толькі выпусцілі і распаўсюдзілі тут плакаты, налепкі і буклеты, але і ўрачыста – з удзелам мясцовых уладаў і прадстаўнікоў органаў аховы прыроды – адкрылі ў самых цікавых і наведваемых людзьмі месцах інфармацыйныя шыльды пра мясцовых птушак і АПБ.

З гэтай вясны на ўсёй тэрыторыі будучага заказніка забаронена веснавое паляванне, што, зразумела, толькі павялічвае прывабнасць тэрыторыі для сотняў тысяч птушак, што мігруюць праз даліну Свіслачы.

На жаль, не адбылося і без негатыўных зменаў: у апошнія тры гады высокая вада ў балоце Грайна стаіць

…і адным з нешматлікіх месцаў гнездавання вяртлявай чаротаўкі

увесь год, што пачало ўплываць на відавы склад не толькі расліннасці, але і птушак. Тут з'явілася каланіяльнае пасяленне чаек-рыбачак, да іх пацягнуліся чорнашыйныя і шэрашчокія коўры. Напэўна, колькасць вяртлявых чаротавак яшчэ больш зменшылася, бо самкі гэтага віду будуюць гнёзды ў аснове асаковых купін. І калі высокая вада стаіць падчас сезону гнездавання ў траўні-ліпені, птушкі могуць увогуле не прыпыняцца ў такіх месцах. Здаецца, зніклі на гнездаванні і вялікія грыцукі.

Але пра гэта, як і пра прычыны стала высокага ўзроўню вады, у выніку чаго балота ператварылася ў возера, мы даведаемся толькі ў другой палове лета, пасля таго як нашы сябры-геадэзісты правядуць свае даследаванні, а мы падлічым спеўных самцоў вяртлявай чаротаўкі…

Дзмітры Вінчэўскі,
Рэдактар сайта “Птушкі штодня” (www.birdwatch.by),
Гродна, фота аўтара

85 “Рэдкіх птушак”

На гэтых старонках гаворка пойдзе не пра птушак, а пра людзей. Людзей, якія з'яўляюцца сябрамі клуба АПБ “Рэдкая птушка”. Кожны год іх сяброўскі ўзнос перавышае ўзносы астатніх. Навошта яны плацяць болей?

З гісторыі
Катэгорыя “Рэдкая птушка” з'явілася ў АПБ у 2002 годзе і пачыналася з некалькіх чалавек. На травень 2015 колькасць удзельнікаў складае ўжо 85 чалавек.

Чаму варта быць “Рэдкай птушкай”?
– вы падтрымліваеце прыродаахоўную дзейнасць АПБ. Ваш узнос цалкам кампенсуе кошт матэрыялаў, а астатнія грошы ідуць на карысныя для птушак справы!
– вы маеце магчымасць далучыцца да адмысловых экскурсій, якія АПБ ладзіць спецыяльна для сяброў клуба;
– вы атрымліваеце значак з выявай птушкі, які можна з гонарам насіць і такім чынам дэманстраваць сваю прыналежнасць да АПБ і свой клопат пра дзікую прыроду.

На што ідуць грошы “Рэдкіх птушак”?
У 2014 годзе грошы ўдзельнікаў “Рэдкай птушкі” пайшлі на падтрымку валанцёрскіх летнікаў на Тураўскім лузе і на праект спадарожнікавага сачэння за зязюлямі.
У 2015 частка сродкаў выкарыстаная на маніторынг гнездавых скрыняў для птушкі года – вушатай савы.

Куды “лятаюць” сябры клуба?
“Рэдкая птушка” ўжо шукала птушак на рыбгасах, у лясах і нават на сметніках, выпраўлялася на кар'еры ў пошуках шчурак-пчалаедак , праходзіла экалагічную сцежку адзінага ў краіне запаведніка – Бярэзінскага біясфернага. Сёлета мы ўдала выправіліся на пошукі вушатай савы. Яшчэ адна экскурсія (пакуль сакрэтная) запланаваная на восень. Далучайцеся – паедзем разам!

Як стаць “Рэдкай птушкай”?
Далучыцца даволі проста: на старонцы www.ptushki.org/anketa запоўніце анкету сябра і пазначце катэгорыю “Рэдкая птушка”.
Пасля гэтага аплаціце ўзнос – і вы ўжо сябра клуба!

Як сябру АПБ перавесціся ў катэгорыю РП?
Напішыце нам на адрас **info@ptushki.org** ці патэлефануйце **+375 17 2630613** і паведаміце пра жаданне змяніць катэгорыю сяброўства.
Мы скажам неабходную суму, якую трэба даплаціць да вашага мінулага ўзносу.
Пасля гэтага вас перавядуць у РП!
Важна: кожны год перад аплатай сяброўскага ўзносу можна самастойна змяніць катэгорыю.

“Рэдкая птушка” – падарунак на народзіны ці вяселле!
Цікава, што апошнім часам усё больш людзей набывае сяброўства ў клубе ў якасці падарункаў сваім сябрам. Гэта арыгінальны і сапраўдны сюрпрыз для чалавека. Потым большасць людзей працягвае сяброўства і на наступны год яны самастойна аплачваюць узносы.

Вікторыя Церашонак,
спецыяліст АПБ па сувязях з грамадскасцю.
Фота – Руслан Завадзіч

Дзе жывуць “Рэдкія птушкі”?

Мінская вобл.
Брэсцкая вобл.
Гродзенская вобл.
Гомельская вобл.
Віцебская вобл.
Магілёўская вобл.

Я “Рэдкая птушка”!

Людзі прыходзяць да нас з розных прычын. Адны хочуць трапіць на экскурсіі, другія – больш даведацца пра птушак, трэція – патраціць грошы на нешта карыснае, чацвёртыя – кампенсаваць такім чынам сваю экалагічную пасіўнасць. Усе яны могуць з гонарам сказаць: «Я “Рэдкая птушка”».

Настасся Кузьміч, культурны арганізатар Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі:
– Я вырашыла стаць карысным сябрам АПБ і таму абрала “Рэдкую птушку”, бо ведаю, што толькі ўзнос з такога сяброўства здольны фінансава падтрымаць ахову птушак нашай краіны. Я была валанцёрам на двух фестывалях АПБ і назірала за камандай, якая працуе ў гэтай арганізацыі. Людзі натхнёныя, цікавыя, прыгожыя. Усе дзяўчаты з “птушкавымі” завушніцамі ды караламі, а ў іх заплечніках ці торбах – абавязкова бінокль, каб назіраць за ўлюбёнымі крылатымі паўсюль. Яны з натхненнем распавядаюць пра таленавітых арнітолагаў, нібы пра галівудскіх зорак. Карацей, цяпер я “Рэдкая птушка” і адчуваю сябе часткай чагосьці выдатнага!

Яўген Лабанаў, дырэктар экалагічнай арганізацыі “Цэнтр экалагічных рашэнняў”:
– Ахова беларускай прыроды – справа тых людзей, якія жывуць на гэтай зямлі. Нельга сядзець і чакаць, пакуль хтосьці зробіць гэта за нас: варта клапаціцца самім, а не разлічваць на іншых. Важна падтрымліваць экалагічныя ініцыятывы і арганізацыі, якія працуюць у гэтым кірунку. Маё сяброўства з АПБ – гэта мой асабісты ўнёсак у працу арганізацыі, дзейнасць якой я лічу важнай.

Віктар Кулік, кандыдат фізічных навук:
– Я зарэгістраваўся ў Клуб-200, пачаў назіраць за птушкамі, і натуральна “падсеў” на бердуотчынг! Удзел у спаборніцтвах падштурхнуў далучыцца да “Рэдкай птушкі”. Дзякуючы экскурсіям я магу больш шчыльна камунікаваць з арнітолагамі, атрымліваць новыя веды і бачыць новыя куткі Беларусі. Канешне, да Сямёна Левага і Дзяніса Кіцеля мне далёка, але ўсяму свой час. У гэтым годзе падцягну веды па куліках: прозвішча матывуе!

Галіна Шаціла, праектавальнік:
– На добрую справу заўсёды хочацца даць болей. Да таго ж, сума ў любым выпадку невялікая. Не заўсёды магу штосьці зрабіць для птушак, мая прафесія не звязаная з арніталогіяй. Але калі можна дапамагчы праз “Рэдкую птушку” – з радасцю карыстаюся такой магчымасцю.

Анатоль Кароткін, прадпрымальнік:
– Восенню прыходзіў у офіс пазнаёміцца з працай АПБ. Натхніўся і адразу стаў “Рэдкай птушкай”. Ведаеце, прыроду вельмі люблю. Па маладосці бываў і на паляванні, і на рыбалках. А зараз хачу толькі назіраць, замест стрэльбаў – бінокль ды фотаапарат. Птушак люблю: падкормліваю, будую домікі, у гэтым годзе замахнуўся паставіць платформу для буслоў. Буду далучаць да АПБ дзяцей і ўнукаў!

Джон Росман, дырэктар фонду “Экалагічны транспарт”:
– Я падтрымліваю АПБ і заўсёды захапляюся тым, што робіць арганізацыя. Насамрэч, калі я запаўняў анкету на сяброўства ў АПБ, не звярнуў асаблівай увагі на катэгорыю. І так выпадкова атрымалася, што я стаў “Рэдкай птушкай”. Бачыце, якая ўдача! Ужо 3 гады стараюся далучацца да экскурсій, таксама быў на Ельні, на патруляванні ласосяў, штогод прыходжу на з'езды. Развітвацца з АПБ не планую!

Нашы летнія суседзі

На дварэ першая палова лета, час, які многія праводзяць на сваіх дачных надзелах, даглядаючы гарод, кветнік або калекцыю дэкаратыўных хмызнякоў. Зразумела, што ваша дачнае жыццё не абыйдзецца без сустрэч з птушкамі, якія абралі ваш сад або гарод у якасці свайго гнездавога ўчастка. Спадзяемся, што яны не толькі будуць абараняць вашы расліны ад шкоднікаў сельскай гаспадаркі, але і прынясуць вам шмат цікавых і прыемных хвілін.

Гэты выпуск вызначальніка дапаможа вам больш грунтоўна пазнаёміцца з вашымі пярнатымі суседзямі, ну, а калі вы выпадкова натрапіце на іх гняздо, проста пакіньце яго ў спакоі, і птушкі, нягледзячы на вашу прысутнасць, паспяхова выведуць і выхаваюць птушанят.

Вясковая ластаўка ♂ мал.

Леска-завірушка

Сіняя сініца

Рудахвостка-чарнушка ♂ ♀

Палявы верабей

Звычайная падкаменка ♂ ♀ мал.

Еўрапейскі ўюрок ♂ ♀ мал.

Белая пліска ♀ ♂

Берасцянка ♀ ♂

Звычайная рудахвостка ♀ ♂

Чорны дрозд ♂ ♀ мал.

Пярэстая валасяніца ♀ ♂

Шэрая валасяніца

Малінаўка мал. ♂

Звычайная зелянушка мал. ♂ ♀

Канаплянка ♀ ♂

Вялікая сініца ♂ мал.

Чорнагаловы шчыгел мал. ♂

Як я адкрыў і “закрыў” новы від савы

Нататкі беларускага заолага ў Амазоніі.

Я ляжу на маім вузкім ложку і слухаю дождж, шум маленькіх частых кропляў па шыферным даху невялікай шчытавой хацінкі, дамка накшталт “палат” піянерскіх лагераў майго дзяцінства, але маленькага, на два жыхары, і з сеткай замест шкла ў вокнах. Час – 20 хвілін да шостай раніцы, месца – абшары нацыянальнага парка Ясуні ў эквадорскай Амазоніі, біястанцыя на беразе Рыа Ціпуціні (як кпіць мой маскоўскі сябра: “Ты Путина видел?”), я – чалец маленькай экспедыцыі невялікага натуральна-гістарычнага музея, таксанаміст-энтамолаг з даволі багатым арніталагічным мінулым. За вокнамі – прыцемкі (на экватары ўсход заўсёды а шостай, да таго ж – хмарна і густы высокі лес вакол), цішыня парушаецца толькі шумам дажджу ды ўпартым гуканнем сплюшкі Otus wilsonii, якое гучыць амаль неадрозна ад голасу калматаногага сыча, асабліва для мяне, які не чуў таго сыча гадоў пяць, калі не восем. Бясконцы стракат цвіркуноў ды маленькіх жабак – натуральная частка цішыні, здаецца, для любога, хто правёў хоць колькі дзён у трапічным лесе.

Час уставаць, дзень на трапічных біястанцыях пачынаецца рана і цягнецца доўга, асабліва для тых, хто пачаў трапічную кар'еру позна і ніяк не можа паверыць, што гэтая ягоная экспедыцыя ў тропікі – не апошняя. Мо яшчэ 10 хвілін паляжу, слухаючы дождж і сплюшку, складаючы планы на дзень ды чухаючы шматлікія болькі ад мандзібул, хабаткоў ды джалаў шасці- і васьміногага артраподнага войска, нашых “верных ворагаў”. Сёння сёмы дзень запар з ранішнім дажджом. Гэта, і тое, што заўчора нешта ляснула ў станцыйнай пральнай машыне, азначае, што сёння зноў прыйдзецца дзейнічаць паводле далёкаўсходняга метаду паважанага ў арніталагічных колах Ю.Б.Пукінскага – пасля сняданка, занясення апошніх нататак у дзённік і этыкетавання ўчарашняга матэрыялу ўлазіць на ўвесь дзень у брудную і мокрую палявую вопратку. У адрозненне ад Далёкага Ўсходу Расіі, саграваецца першыя паўгадзіны ў мокрай вопратцы тут не трэба, што ёсць вялікі плюс, але ёсць і трапічны мінус: праз паўдня брудныя і мокрыя анучкі тут пачынаюць патроху смярдзець. Ізноў жа, паўгадзіны-гадзіна ў лесе, і новыя порцыі дажджу, поту, расы ды бруду і палявыя справы робяць гэтую дробязь недарэчнай, але ж пачатак палявога дня даволі часта патрабуе нейкага пераадолення сябе…

Але ж перад тым, як пайсці ў лес, трэба сказаць пару слоў пра тое, што мы прыехалі сюды рабіць. Нас пяць чалавек, сталых і часовых супрацоўнікаў музея ды дактарантаў з факультэта, пры якім існуе музей. Мы энтамолагі, дакладней – калеаптэролагі, шукаем ды ловім нашых

Амазонская сельва, фота Gabby Salazar

улюбёных жукоў ды тое-сёе яшчэ, галоўным чынам, што зловяць нашыя пасткі. Чацвёра з пяцярых – сістэматыкі, мы шукаем, знаходзім і апісваем новыя віды і разбіраемся, які з якім радня і адкуль ды як яны ўзяліся. Калекцыянаванне матэрыялу ў цікавых месцах – першы крок у сістэматычнай справе, і нягледзячы на тое, што, як кажа найлепшы ў свеце спецыяліст па жуках-слоніках Чарлі О'Браян, “Найлепшае калекцыянаванне – гэта калекцыянаванне ў музеях”, маючы на ўвазе неабсяжные, амаль не кранутыя гістарычныя калекцыі, многія сістэматыкі не ўяўляюць сваёй працы без экспедыцый, і мы ў тым ліку. Кожны з нас мае свае ўлюбёныя групы жукоў, метады іх пошуку і збору ды палявыя звычкі, таму, у асноўным, мы праводзім нашыя палявыя дні паасобку, збіраючыся напрыканцы кожнага дня за келіхам “гарбаты” і вячэрай, каб падзяліцца дасягненнямі ды няўдачамі. Мая спецыялізацыя – ловы так званымі аконнымі пасткамі і пошук жукоў-мірмекафілаў, то-бок спецыялізаваных насельнікаў калоній мурашак, у асноўным – мурашак-жаўнераў Ecitoninae. Да таго ж, дзякуючы маёй даўняй арніталагічнай гісторыі, я цяпер – лянівы назіральнік птушак (я перакормлены словам “бёрдвочэр” у маіх размовах па-ангельску). Назіральнік таму, што маю жыццёвы спіс і заўсёды нашу бінокль на грудзях, лянівы – таму, што раблю мінімум “хатняй працы” перад экспедыцыяй і гляджу, збольшага, толькі на тое, што само “лезе ў вочы” падчас маіх жучыных спраў.

“Бівуак” мурашак Eciton hamatum, фота Michael Caterino

Але досыць размоў, час выхадзіць на сцежку. Мая палявая руціна спалучае рэгулярны абыход і абслугоўванне пастак ды пошук калон мурашак-жаўнераў, то-бок я шмат хаджу па лесе, удзень і ўначы, павольна, гледзячы сабе пад ногі, туды, дзе бегаюць мурашкі, часам спыняючыся, каб падняць галаву і паглядзець угору, туды, дзе жывуць птушкі, малпы, вавёркі, ігуаны ды іншыя тамандуа. “Павольна і паціху” дазваляе даволі шмат пабачыць, апрача кузурак, але, увогуле, першасны дажджавы амазонскі лес трохі пуставаты, асабліва па-за часам ранішніх і вячэрніх прыцемак. Гукаў хапае, але пабачыць жывёл няпроста: па-першае, зашмат біямасы, 35–40-метровых дрэваў першага ярусу, ліян, пальмаў і дрэваў паменш у другім-трэцім і даволі густога падлеску. Па-другое, часам можна ісці з паўгадзіны, а то і болей, і не пачуць, не пабачыць нічога, пакуль на цябе не наляціць мяшаная зграя… не, не сініц, як у нас узімку, а амаль што ўсіх магчымых птушак. Мяшаныя зграі – вельмі характэрны элемент птушынага жыцця трапічных лясоў, асабліва ў Новым Свеце. Яны могуць налічваць да пары сотняў птушак і да некалькіх тузінаў відаў з шматлікіх мясцовых сем'яў птушак: танаграў, печнікоў, мурашыных птушак, валавок, дрэвалазаў, дзятлаў, трупіялаў, уюркоў, дравесніц і г.д. “Лянівыму назіральніку” такая зграя – і радасць, і галаўны боль адначасова. Птушкі – вось яны, розныя, прыгожыя, шмат, але не ведаеш, “куды бегчы”, то-бок глядзець, бо ўся даступная воку прастора, ад падлеску да макушак, кішыць шматлікімі птушкамі, якія амаль не сядзяць на месцы. Да таго ж, літаральна “на кожным кіламетры” амазонскага лесу лётаюць і глядзяць на цябе пад 300 відаў птушак (актуальныя дадзеныя з гэтага лесу – 250–260 відаў на двух кіламетровых квадратах

“Вялікая рудая курыца”, якая так і не змагла стаць савой…

і больш за 300 – на абодвух), а ты, “лянівы”, з іх можаш ведаць толькі працэнтаў 10… Нягледзячы на гэта, сустрэча з такой зграяй амаль заўсёды – птушыная падзея дня, а злоўленая ў поле бачнасці бінокля пара відаў страката-каляровых танаграў ці даўгадзюбы дрэвалаз стаяць перад вачыма не адзін дзень, нават не адзін месяц.

Тым не менш, зграя ці не, трэба ісці па маршруце, шукаць мілітарысцкіх мурашоў і выконваць экспедыцыйныя абавязкі, якія сёння ў мяне – затраляваць акумулятар і лямпы для ловаў кузурак на святло на кронаваю вышку. Па-першае, мурашы-жаўнеры. Гэтыя легендарныя “звяры”, зграі якіх у трапічных лясах паводле “дасведчаных” крыніц нападаюць на ўсіх ды “ядуць ўсё, што варушыцца”, нават нядбайных натуралістаў, заслугоўваюць асаблівай увагі. Я пакіну зараз некаторыя аспекты іх біялогіі, асабліва тыя, што датычаць маіх жучыных інтарэсаў, некранутымі (можа, у наступны раз…), але не заўважыць іх саміх ды іх ролю ў гэтых лясах немагчыма. Яны – міні-ваўкі неатрапічнай сельвы, іх шмат, яны палююць зграямі ды раямі, і два іх віды, Labidus praedator і асабліва Eciton burchelli, з калоніямі памерам у некалькі мільёнаў, займаюць у гэтых лясах асобнае месца. Ужо колькі мільёнаў год іхнія кармавыя зграі, ідучы фалангамі каля 50 $м^2$ у абсягу, выпуджваюць усё жывое з лясной падсцілкі, што яны не могуць ці не паспяваюць злавіць: прусакоў, скарпіёнаў, конікаў, макрыц, жабак, і трохі мільёнаў год менш на ўсіх гэтых небарак-уцекачоў палююць так званыя прафесійныя мурашыныя птушкі. Прафесійнымі іх завуць таму, што амаль увесь свой корм яны здабываць з-пад палявання мурашоў-жаўнераў. Кожны свой ранак пара такіх прафесіяналаў пачынае з праверкі калоній мурашоў на сваёй тэрыторыі, як яны там, як і дзе ідзе іх паляванне, амаль як і я. Прафесіяналы, я і птушкі, ведаюць тое-сёе пра жаўнераў, таму мы сустракаемся амаль кожны дзень. Нейкім чынам пазыўкі ўсіх прафесійных мурашыных птушак падобныя ў розных відаў і даволі характэрныя, таму часта ўдаецца знайсці мурашоў па птушыных гуках. Вось яны, сядзяць нізка над зямлёй, над самымі мурашынымі батальёнамі і амаль кожную хвіліну, калі не ганяюць адна адну з найлепшых прысад, кідаюцца і хапаюць прусакоў ды цвіркуноў, што ратуюцца. Калі прыгледзецца, можна заўважыць, што на прусакоў таксама палююць паразітычныя мухі-тахіны, а на свежы птушыны памёт збіраюцца прыгожыя матылі, шукаючы мікраэлементы ў дадатак да вугляводаў звыклага нектару. Гісторыя з падручніка па эвалюцыйнай біялогіі перад тваімі вачыма…

Мурашыныя птушкі – істоты спрытныя, але не надта пужлівыя, таму гэтае ўсеагульнае паляванне няцяжка і вельмі цікава назіраць, да таго ж да такой магчымасці пачаставацца часам далучаюцца і нечаканыя “непрафесіяналы”. Сёння мне пашанцавала з адным з іх – убачыў першую (і дагэтуль адзіную) у жыцці наземную зязюлю Neomorphus geoffroyi, якая памерам і выглядам нагадвае фазана. За пошукам і назіраннем мурашак і птушак час ляціць, як тыя птушкі, трэба ўжо кіравацца да вышкі. Кронавыя вышкі зараз будуюць у многіх месцах, дзе рэгулярна бываюць навукоўцы ды натуралісты. Лічыцца, што кроны трапічных лясоў, “апошні біялагічны рубеж”, як кажуць класікі, маюць сваю адмысловую фаўну, шмат жывёл, якія ніколі не бываюць

Белачубая мурашкавая птушка *(Pythis albifrons)*, фота Nick Athanas

па сваёй волі ўнізе і таму кепска вядомыя, калі вядомыя наогул. Гэта мае сэнс, і трапічныя біёлагі намагаюцца не прапускаць магчымасцяў папрацаваць у кронах. Вышкі – не найлепшы сярод сродкаў, бо іх не панабудуеш шмат па ўсім лесе, але калі вышка ёсць – гэта вельмі зручна, справаў-та ўсяго: падняцца па 30 м па лесвіцы.

Таму я люблю вышкі, стаўлю на іх мае пасткі і часцяком сяджу на іх, адпачываючы, прасыхаючы, гледзячы вакол ды згары дадолу. У самым пачатку маіх трапічных бадзянняў я спадзяваўся хуценька пабачыць з вышак усіх мясцовых арлоў ды шулякоў і, канешне, арла арлоў Паўднёвай Амерыкі, гарпію. Высветлілася аднак, што драпежнікі ў гэтых лясах амаль што не параць, але я не пакідаю надзеі пабачыць, скажам, калі яна цяжка ляціць надвячоркам па-над кронамі ў кірунку гнязда з малпай у кіпцюрах. Сёння зноў не пашанцавала, але да мяне прыйшла зграйка малпаў-манахаў Pithecia napensis і з паўгадзіны частавалася пладамі нейкага дрэва метрах у 10–15 ад назіральнай пляцоўкі. Малпы не звярталі на мяне ніякай увагі, але імгненна змыліся, пачуўшы крык пары блакітна-жоўтых араў, якія, праляаючы побач, здаецца, спужаліся мяне.

Падступілі прыцемкі, туканы-тока, накшталт нашых драздоў, узнялі свой адвячоркавы вэрхал, і пад гэтыя, адны з самых характэрных і запамінальных для мяне гукаў амазонскага лесу, прыбылі мае калегі. Пачаўся бізнес ловаў кузурак на святло ў надзеі злавіць нешта вялікае-прыгожае ды невядомае (за маленькімі невядомымі істотамі ў кроны лазіць не трэба). Праз гадзіну-паўтары гэта і здарылася: літаральна ля самай вышкі, метрах у 30, зараўлі велізарныя “совы”. Сярод птушыных начных гукаў я не чуў да той гадзіны нічога больш уражальнага па моцы і фундаментальнасці, акрамя гукання пугача, недзе па-над Шчарай, ціхім сакавіцкім вечарам. Гэтыя істоты раўлі так, як калі б велізарны пугач стаў крычаць на манер даўгахвостай кугакаўкі, толькі ніжэй тонам. Раўлі дуэтам, пачынаючы свае трэлі адна пасля адной, як бы па знаку дырыжора, раўлі блізка і доўга, так што нешта варушылася ўсярэдзіне і прабягалі мурашкі па спіне. Павінны быць вялізныя совы!!!
Але… тут няма такіх соваў. Совы Амазоніі не надта адрозніваюцца ад нашых, тыя ж сплюшкі, сычыкі ды кугакаўкі. Апошняя – самыя буйныя, але і яны заўважна меншыя за шэрую, і такога голасу мець не могуць.
Ёсць два адмысловыя, вялікія віды, але іх галасы я ведаў: чубатая сава Lophostrix cristata толькі глуха крэхча, а акулярная Pulsatrix perscipillata балбоча, як цецярук, які набраў поўную дзюбу гарачай бульбы. Павінны быць невядомы від! Куратар нашага музея Вікторыя, у адрозненне ад мяне, даволі заціты назіральнік за птушкамі, нічога не магла сказаць супраць. Больш за тое, у заплечніку ў яе быў лаптоп з сабранымі перад паездкай запісамі галасоў птушак эквадорскай Амазоніі. Нічога падобнага не знайшлося і там.

Мы, сістэматыкі, добра ведаем, што вакол нас у гэтым лесе поўзаюць, лётаюць, скачуць і растуць тузіны неапісаных, невядомых навуцы відаў, і неяк звыкліся з гэтым. Мы нават узрушваемся больш, калі можам з упэўненасцю назваць нейкага маленькага жучка дадзенай яму 150 год таму назвай замест таго, каб прабурчаць: “Хутчэй за ўсё, яшчэ адзін неапісаны від…” Мы таксама ведаем, што раз-пораз новыя віды птушак апісваюцца з Паўднёвай Амерыкі, некаторых з іх знаходзяць у прыродзе, а не ў малекулярных лабараторыях. Год 10 таму нават і новы род савы апісалі, маленькага “сыча”, але ўсе такія выпадкі здараюцца высока ў горных лясах, у далёкіх малавядомых хрыбтах дзе-небудзь у сэрцы ці на перыферыі Андаў.
А тут – невядомая сава на раўніне, у трох кіламетрах ад станцыі, куды амаль за 20 год яе існавання прыязджала не адна сотня навукоўцаў ды натуралістаў. На гэтай ноце – павінны быць новы від вялізнай савы, што немагчыма – і закончыўся гэты дзень.

Наступнай раніцай высветлілася, што ні я, ні Вікторыя (астатнія не надта бралі да галавы) не можам “праспяваць” нашымі совамі і што ўчора ні адзін з нас, боўдзіл, не падумаў уключыць на відэа ні адну з чатырох лічбавых камер, што былі ў нас, і запісаць галасы птушак. Як мы станем размаўляць са спецыялістамі, калі вернемся?
Я прыняў гэтыя хібы цалкам на свой рахунак і правёў на вышцы па некалькі гадзін у кожную з апошніх чатырох начэй на станцыі, спадзяваючыся запісаць “соваў”.
Было шмат чаго: і фантастычныя канцэрты звычайных пота Nyctibius griseus, і нечаканая страшэнная залева з маланкамі на гадзіну, і візіт кугакаўкі Strix huhula, да якой я мог бы дакрануцца рукой, калі б захацеў, і сустрэча на сцежцы з гіганцкім браняносцам, які, пачуўшы мяне, захаваўся пад корч і стаў рохкаць-рыкаць

Тукан *(Selenidera reinwardtii)*, фота Rick Stanley

так, што я спачатку вырашыў, што гэта трохі паводдаль рыкае ягуар і ўжо стаў пацяху падводзіць вынікі…
Пелі і мае “совы”, але далёка ды ціха, ніякіх запісаў зрабіць не ўдалося. Так мы і паехалі з гэтай станцыі, не вырашыўшы загадку і не маючы ніякіх доказаў, акрамя маёй кепскай імітацыі.

Як пеў у свой час Уладзімір Высоцкі, у гэтай гісторыі “конец простой”. Мы пераехалі на іншую станцыю, на паўтары гадзіны ніжэй па Ціпуціні. На трэці дзень навуковы менеджар станцыі прапанаваў нам расказаць пра праект камер-пастак, якія яны мелі на сцежках вакол. І сярод начных фота ягуараў, пекары ды мурашкаедаў раптам было паказана некалькі выяваў вялікай рудой курынай птушкі, начнога кракса Nothocrax urumutum. Дыега, лектар, быў вельмі горды гэтымі кадрамі – птушка малавядомая, загадкавая, даволі рэдкая; слова за слова, і ён памянуў, што яна крычыць уночы нізкім кранальным голасам. Слава першаадкрывальніка найвялікшай амазонскай савы растала, як ранішні туман над Ціпуціні… Мы праслухалі запісы Вікторыі – за строкатам цвіркуноў і жабаў далёкага голасу “савы” было амаль не чуваць і ўявіць, як ён гучыць побач, немагчыма. Больш за тое, ужо дома, перачытваючы дзённік, я выявіў, што ў той самы дзень, калі мы чулі “соваў” у першы раз, я сустрэў начнога кракса, падыходзячы да вышкі. Ён быў запісаны як “вялікая рудая курыца з светлай плямай вакол вока на сцежцы, ?, мусіць, самка нейкага гока Crax”, і паспяхова забыты. Так я “адкрыў” і “закрыў” новы від савы, у працэсе перажыўшы трохі палявых прыгодаў і пабачыўшы рэальна рэдка кім назіраны від птушак.

Аляксей Цішачкін

Паспрабуй нас адшукаць!

**Прывітанне, сябры!
На гэты раз мы прапануем вам пагуляць у хованкі з совамі – яны будуць хавацца, а вы – шукаць!**

На кожнай з гэтых фатаграфій схавалася сава, а ў некаторых выпадках нават і некалькі! Афарбоўка соваў настолькі супадае з афарбоўкай розных элементаў іх навакольнага асяроддзя, што птушку часам проста немагчыма заўважыць. Такая асаблівасць дапамагае совам паспяхова паляваць на розных грызуноў і дробных птушак і, у сваю чаргу, заставацца непрыкметнымі для больш дужых драпежнікаў.

А ці зможаш заўважыць саву ты? Ну, скажам, за тры секунды?

Как леса получают сертификаты?

Лес в абсолютно заповедной зоне БГБЗ

Международная лесная сертификация помогает выстроить эффективную систему управления лесами. С точки зрения сохранения биологического разнообразия стоит обратить внимание на независимый международный стандарт Лесного попечительского совета (FSC, «эф-эс-си»).

Что такое лесная сертификация FSC?

Лесная сертификация FSC – это экология, устойчивая экономика и ответственная социальная политика. Эксперты FSC разработали критерии, соблюдение которых обеспечит воспроизводство лесов, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия. Стандарт FSC выдвигает серьезные требования по охране труда работников лесной сферы, а также по участию местного населения и заинтересованной общественности в принятии экологически значимых решений.

Стандарты FSC для Республики Беларусь предусматривают 10 принципов и более 300 критериев. Чтобы получить и удержать сертификат, нужно постоянно соответствовать критериям.

Стандарты FSC устанавливают требования по сохранению воспроизводства лесов и биологического разнообразия. Например, объем заготовок лесной продукции не должен превышать уровня, который обеспечивает неистощающее лесопользование. При проведении сплошных рубок необходимо оставлять для естественного воспроизводства леса крупные деревья коммерчески ценных лесных пород, при проведении всех типов рубок нужно оставлять деревья малоценных пород, сухостой и дуплистые деревья – для поддержания биоразнообразия.

Особое внимание в сертификации уделено воздействию на окружающую среду и лесам высокой природоохранной ценности (ЛВПЦ) – участкам с высоким уровнем биоразнообразия, включая эндемичные или редкие виды. По требованию FSC для ЛВПЦ должен устанавливаться особый режим охраны, вплоть до запрета на ведение любой хозяйственной деятельности, т.е. фактически – заповедный.

Стоит обратить внимание, что сертификация FSC – дело добровольное. То есть лесохозяйственная организация принимает на себя добровольные обязательства по выполнению принципов и соблюдению критериев FSC.

Зачем организациям сертификат FSC?

Обладая сертификатом соответствия, лесохозяйственные организации получают ряд экономических преимуществ перед несертифицированными компаниями. Например, международное подтверждение легального происхождения продукции лесопользования, поскольку древесина должна отслеживаться от лесосеки до перерабатывающего предприятия. Сертификат FSC дает возможность выхода на ответственных покупателей лесной продукции.

Один из крупнейших производителей мебели, IKEA Group, с 2003 года приобретает FSC сырье. Когда в сертифицированной с 2006 г. российской компании Swedwood Karelia в 2014 г. нашли отклонения от стандарта FSC, IKEA прекратила у нее закупки на 3 месяца, до устранения несоответствий. В своем комментарии представители IKEA отметили: «Мы считаем FSC наиболее надежной системой сертификации лесов, позволяющей найти баланс между экономически жизнеспособным управлением лесами, сохранением экологических ценностей, прав и потребностей людей, которые живут и работают в лесах».

Органы FSC вместе с общественностью следят за соблюдением лесохозяйственными организациями условий сертификации. В случае нарушений сертификат может быть приостановлен или отозван.

В Беларуси по системе FSC сертифицировано 68 лесохозяйственных организаций и более 50 организаций деревообработки. Первый среди них был ГОЛХУ «Сморгонский опытный лесхоз», потом ГЛХУ «Бобруйский лесхоз», ОАО «Речицадрев» и другие.

Как FSC работает в Беларуси?

Для принятия решения о выдаче сертификата необходимо выяснить мнение о проблемах, существующих в конкретном лесхозе, у всех заинтересованных сторон, в том числе и у общественности. В то же время наибольшую активность проявляют, главным образом, экономически заинтересованные стороны – государственные органы и организации. Местные жители уделяют мало внимания своим правам при проведении сертификации. А ведь от их позиции зависит, сохранятся ли имеющиеся в лесах сакральные места, ягодники и грибные места.

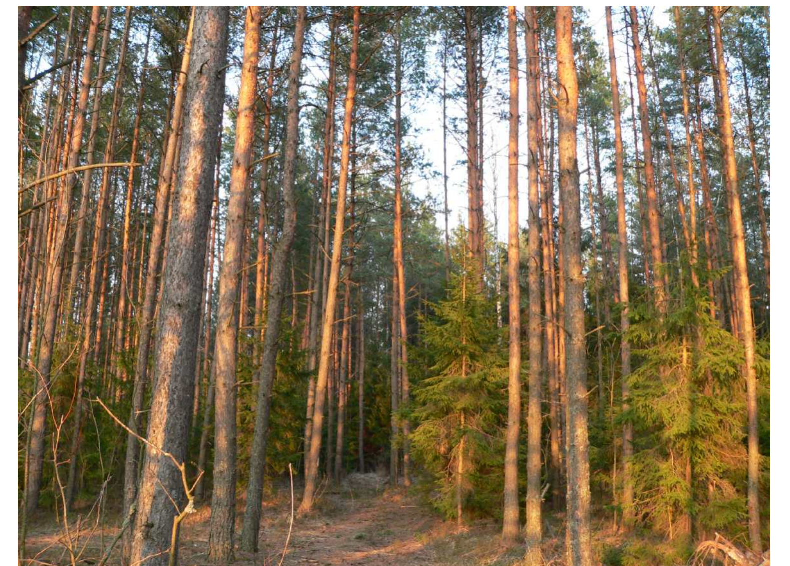
Сейчас по системе FSC, например, проходит сертификацию ГПУ «Национальный парк "Припятский"» и ГПУ «Национальный парк "Беловежская пуща"». В начале 2015 г. аудиторы FSC выявили на территории «Припятского» более 40 несоответствий, на устранение которых дано время до конца года. К основным несоответствиям отнесен низкий уровень работы по выявлению и сохранению биологического разнообразия, не в полной мере обеспечено сохранение уникальных экосистем и ЛВПЦ – в заповедной зоне не представлены уникальные пойменные дубравы.

На этот год в планах у компании-сертификатора – повторные аудиты в Припятском, чтобы проконтролировать, устранил ли нацпарк выявленные несоответствия. По результатам аудита будет принято решение о выдаче сертификата FSC.

АПБ будет следить за результатами сертификации с целью сохранения биологического разнообразия Беларуси и вовлечения населения в этот процесс.

Требования сертификата составлены таким образом, что экологически значимые решения принимаются с учетом интересов и мнений местного населения, общественных организаций и других лиц, заинтересованных не только в результатах экономической деятельности, но и в сохранении биологического разнообразия, самобытности региона, в участии местного населения в процессах управления и регулирования лесного хозяйства. Для этого созданы различные формы взаимодействия: проведение обучающих семинаров, включение заинтересованных лиц в органы контроля и управления лесным хозяйством, участие в научных и технических мероприятиях.

Тимофей Пико, специалист по природоохранным вопросам АПБ.
Фото Сергея Зуенка

Старовозрастной сосняк в лесоболотном комплексе Оболь

Приглашаем всех заинтересованных и небезразличных людей принять активное участие в сохранении уникальных Припятских дубрав.

Пойменная дубрава в национальном парке "Припятский"

Смешанный лес в Минском районе

Смогут ли попугаи освоить природу Беларуси

Наверное, все знают, что попугаи пока не встречаются в нашей природе – по крайней мере постоянно. Однако в некоторых странах Западной Европы ситуация иная: уже как минимум пять видов-представителей этого своеобразного отряда ярких и красивых тропических птиц освоились и создали небольшие самоподдерживающиеся популяции в Бельгии, Германии, Нидерландах, Франции, Греции, Великобритании, Испании, Словакии, на Балеарских и Канарских островах. Все эти популяции считаются потомками птиц, некогда улетевших из зоопарков или от частных коллекционеров.

Кольчатый попугай Крамера (Psittacula krameri) достаточно часто содержится в неволе как домашний питомец и в нашей стране. Многие птицы, поступающие в торговую сеть, отловлены в природе (Пакистан, Иран) и уже хорошо усвоили навыки поиска пищи в природных условиях.

За последние 15 лет в Беларуси зафиксировано свыше 10 случаев пребывания этих попугаев на воле достаточно продолжительный период (от двух до шести месяцев). В летний период птицы питались в основном фруктами: грушами, яблоками, сливами, виноградом. Учитывая, что зимы в последнее время достаточно теплые, низкие температуры (до –25° С) непродолжительны и быстро сменяются оттепелями, вполне можно допустить, что как минимум некоторые попугаи Крамера способны перезимовывать в наших условиях. Для их успешной зимовки не так важно отсутствие морозов, как наличие достаточного количества пищи. Многолетний опыт содержания этого вида в открытых уличных вольерах в зимний период явное тому подтверждение.

В 2006 году один из представителей этого вида не менее трех месяцев провел у проходной одного из минских заводов, пока не был там пойман. Осенью, когда автор приехал понаблюдать за ним, попугай с громким криком, увертываясь от назойливых галок и ворон и насытившись полетом-игрой, усаживался на сливу, отыскивал сморщенный плод и аккуратно съедал мякоть. Отдохнув какое-то время, слетал к проходной и рылся в остатках костей, недоеденных «сторожевыми» дворняжками, выбирал себе подходящую косточку и тут же, сидя на земле, или взлетев на ограду, обгладывал ее.

Любимыми присадами птицы были два столба – один с осветительными плафонами, второй с проводами. Однажды, восседая на одном из столбов и осматривая окрестности, попугай заинтересовался серой вороной, что-то склевывавшей на автостоянке. В конце концов попугай не выдержал, подлетел к ней, бочком приблизился к вороне, оттеснил ее в сторону и принялся есть отвоеванную добычу, оказавшуюся куском сушки. Удивительно, что никакого внимания на проходящих в полуметре людей попугай не обращал, как, впрочем, и люди на него.

Об еще одном из улетевших попугаев Крамера мы узнали в начале октября 2014 года в Бресте. Птица прилетала на кормушки, а также питалась неубранными яблоками и оставшимся на ветках винограде распространенного местного сорта «Изабелла». С наступлением устойчивых морозов (периодически температура падала до –16° С) попугай находился преимущественно в районе городского парка, где его ежедневно встречали и продолжают встречать по настоящее время. Учитывая высокую приспособленность вида к городским условиям обитания, вполне допустимо (при достаточном количестве свободно живущих птиц) не только успешное выживание в зимний период, но и гнездование.

Надо отметить также, что в последние несколько лет среди любителей домашнего содержания птиц стал популярен попугай калита (он же квакер, попугай монах) Myiopsitta monachus. Этот вид не менее пластичен и приспособлен к условиям обитания в городском ландшафте, нежели попугай Крамера. Численность этих птиц в нашей стране быстро увеличивается по причине невысокой стоимости и хорошей приручаемости. Данный вид, как и попугай Крамера, успешно гнездится во многих странах Западной Европы, где сформировались устойчивые и постоянно увеличивающиеся колонии этих птиц.

Отмечены на воле в Минске и другие попугаи – например, сливоголовый попугай (Psittacula cyanocephala). Поэтому угроза появления со временем в нашей фауне новых видов-интродуцентов довольно реальна.

Сергей и Борис Шокало, по материалам www.birdwatch.by
На снимках Сергея Шокало – попугай Крамера в Минске в 2006 году.

Колония ласточки-береговушки в песчаном карьере, фото Сергея Зуенка

Обычные необычные ласточки

В Беларуси, как известно, гнездится три вида ласточек: городская (или воронок), деревенская (или касатка) и береговушка. Все они часто встречаются и широко распространены. И что же может быть необычного в наших обычных ласточках? До недавнего времени я бы и сам не смог дать ответа на этот вопрос. Но сейчас попытаюсь объяснить. Речь пойдет о гнездах и местах их расположения.

Есть мнение, что названия наших ласточек связаны с местами их гнездования. Береговушки гнездятся колониально, роя норки в песчаных карьерах или высоких берегах рек. Городская ласточка лепит гнездо из грязи и сена (что уже само по себе необычно) с округлым летком, выбирая чаще за основу кирпичные или бетонные стены строений человека. Таких строений больше в городах. Деревенская ласточка по схожей технологии делает гнездо в виде открытой чашечки на деревянных строениях, более характерных для деревень. Но ласточки не всегда «поступают по правилам» и, если обращать на них больше внимания, то можно сделать немало удивительных наблюдений.

Новые технологии в строительстве постепенно меняют условия проживания не только человека, но и наших соседей-птиц, в том числе и героинь заметки. Одно из любимых мест расположения гнезд воронка – балконы и лоджии. Так, у моих родителей на балконе сразу две семьи городских ласточек успешно выводили птенцов не менее 10 сезонов. Когда же на балконах устанавливают застекленные рамы, а это в последние годы происходит все чаще, птицы теряют места для размножения. Но борисовские ласточки нашли выход из ситуации. Как минимум две пары птиц приспособились делать гнезда измененной конструкции под подоконниками балконов. При таком варианте птенцы надежно укрыты, а на строительство гнезда уходит меньше материала, времени и сил.

Когда есть дефицит пригодных для гнездования мест, городские ласточки образуют большие колонии. В таких случаях птицам приходиться жить в буквальном смысле плечо к плечу в «многоэтажных квартирах». Так, на здании насосной станции – единственном строении посреди одного из самых обширных польдеров на юге Беларуси – в прошлом году мирно сосуществовали сразу 220 пар! Уверен, что таких колоний в нашей стране далеко не один десяток.

Еще один случай, доказывающий необычность этих птиц, отмечен на Кобринщине. Сразу несколько пар городских и деревенских ласточек сделали свои гнезда на движущемся транспортном средстве! В д. Выгода уже много лет действует паром для перевозки людей и транспорта через Днепровско-Бугский канал с одного берега на другой. Под его навесами для пассажиров, на металлической основе, загнездились две семьи воронков и одна – касаток. В то время как деревенские ласточки пытались «выманить» из гнезда своего последнего отпрыска, городские – только занимались строительными работами. Даже несмотря на постоянное перемещение их «дома на воде» и близость людей, уверен, что молодые птицы успешно стали на крыло.

Нельзя не обратить внимания и на удивительную смелость касаток. Если в закрытые гнезда воронков и глубокие норки береговушек пернатым или четвероногим хищникам проникнуть весьма сложно, то в открытые чашеобразные конструкции деревенских – не составляет большого труда. Поэтому касатки находят защиту у человека. Свои гнезда они сооружают не снаружи зданий, а в подавляющем числе случаев внутри помещений. Птиц, которые осмеливаются быть соседями человека, считанные единицы.

Вот такие находчивые и смелые наши, казалось бы, обычные ласточки.

Семен Левый, Борисовское районное отделение АПБ

Гнездо касатки с птенцами, фото Семена Левого

Колония воронков, фото Семена Левого

Медведь в Беловежской пуще

Если внимательнее ознакомиться с историей Беловежской пущи, то можно прийти к весьма любопытному выводу: в сущности, заповедной она никогда и не была. Первый заповедник на территории России, в состав которой входила и Беловежская пуща, был создан в 1916 году в Восточном Прибайкалье. Но еще до этого немцы, оккупировав Беловежскую пущу, создали в глубине лесного массива Парк девственной природы – своеобразный памятник низинных лесов площадью 4640 гектаров. Впоследствии именно на этой территории поляки создали лесничество «Резерват», а потом на его базе и национальный парк. С переходом этих земель в 1939 году в состав БССР, пуща объявляется заповедником, но абсолютно заповедной территорией был только бывший национальный парк, расширенный до 10 000 гектаров. После Второй мировой войны и разделения пущи между двумя странами в белорусской части был создан заповедник, который просуществовал до 1957 года. Вновь заповедную зону ввели в пущу лишь только в 1973 году, площадью чуть более 7 тыс. гектаров. Часть этой заповедной территории занимало мелиорированное болото…

С момента первого упоминания о Беловежской пуще в 1409 году и до сих пор она представляла собой скорее частные охотничьи угодья и уж никак не заповедник. Стоит учитывать и то обстоятельство, что слово «заповедник» в нынешнем его толковании появилось в русских словарях лишь в XX в. Более раннее (очевидно, до XVIII века) значение слова «заповедати» – «приказать». «Заповедками» назывались также особые охранные грамоты («Энциклопедический словарь», 1894). Слово «заказник» («заказ» – запрет) имело более узкое и конкретное толкование и, как правило, означало запрещение охоты. Широкая трактовка термина «заповедность» привела к серьезным прорехам на практике. В пуще это вылилось в замену высокой формы охраны природы на более низкую.

Охоты сановных лиц требовали от старовозрастного леса существенных жертв. Копытные пущи являлись для сильных мира сего излюбленными объектами охоты. Для увеличения численности копытных уничтожались хищники, налаживалась подкормка, проводилась мелиорация. В результате равновесие, которое устанавливалось веками, серьезно нарушилось. Все последующие попытки заменить выбитых хищников так называемой «регуляцией» и поддерживать «оптимальную численность» копытных не увенчались успехом. Весь лесной подрост ими полностью выедался, и пуща практически потеряла будущее.

Несладкая история владыки пущи

На территории Беловежской пущи еще в XVIII веке медведь был обычным видом. Но в начале XIX века под предлогом борьбы с хищниками он был практически истреблен. В 1873–1878 годах были заходы трех хищников в пущу, но все были убиты после появления. Это были последние случаи появления бурых медведей на территории Беловежской пущи в XIX веке. В 1937 году администрация польского национального парка приняла решение по реинтродукции бурого медведя.

С этой целью из советского Полесья привезли семь молодых медведей, большинство из которых погибло в результате конфликтов с человеком. Кроме этого летом 1937 года в квартале 317 Беловежского национального парка установили большую клетку с беременной медведицей из Познаньского зоопарка. В 1938 году она родила двух медвежат, которые воспитывались в лесу. Во время Второй мировой войны немцы выпустили еще двух медведей. Сразу после окончания войны в пуще видели четырех медведей – двух взрослых и двух молодых. Скорее всего, это были особи, выпущенные перед войной, или же их потомство. Один из молодых вскоре был убит браконьерами. Та же участь постигла еще одного медвежонка, родившегося в 1946 году.

В 1947 году в польской части пущи видели следы уже только одного медведя. На белорусской стороне лесная стража тоже отмечала только медведя-одиночку в центральной части массива на территории Язвинского и Хвойникского лесничеств. Судя по следам, это был молодой зверь, который обитал здесь до 1950 года. Придерживался он именно того места, где в 1937 году выпустили медведей. Судьба его осталась неизвестной, так как после 1950 года следов жизни хищника здесь больше не обнаруживалось.

Только спустя полвека в пуще вновь появился медведь: в июле 2003 года недалеко от деревни Клепачи егерь Пружанского лесхоза Алексей Плавский обнаружил медведя, кормящегося на овсяном поле. Возраст зверя по следам был определен в два года. Медведь держался в этом районе до осени, отдавая предпочтение зарослям на окраине болота Дикое. Последняя регистрация этого зверя относится к окрестностям деревни Залесье.

Пуща должна оставаться пущей

Хищники всегда были неотъемлемым атрибутом дикой природы. Находясь на вершине трофической пирамиды, они выступают в роли биоиндикаторов состояния и благополучия экосистем. Особое место занимают крупные хищники: бурый медведь, волк, рысь. С их потерей происходит серьезное разбалансирование экосистемы. Поэтому предложение по восстановлению популяции медведей на территории пущи выглядит вполне закономерным.

Хотя Беловежская пуща по количеству научных публикаций и является самым «пропиаренным» лесным массивом в мире, тем не менее, знаний для полноценного управления ее естественными процессами не хватает. Расставить точки над «і» в непростом вопросе реинтродукции медведя в пущу взялись специалисты общественной организации «Ахова птушак Бацькаўшчыны» и Научно-практического центра по биоресурсам НАН Беларуси при поддержке Франкфуртского зоологического общества (FZS). Один из участников проекта доктор биологических наук Вадим Сидорович считает, что это долговременный, не менее чем на 5–8 лет, проект, который должен охватить не только Беловежскую пущу, но и все соседние лесные массивы, так как территория Беловежского леса для этих целей маловата.

Хочется надеяться, что благодаря международным усилиям медведь вернется на пущанские просторы и наконец-то трофическая пирамида древнего леса вновь обретет свою утерянную вершину.

Последние следы медведя, найденные в Беловежской пуще

Николай Черкас, кандидат биологических наук, фото из архива автора

Чырвоная кніга вакол нас

ст. 2

ФИАЛКА ТОПЯНАЯ
ФІЯЛКА БАГНАВАЯ
VIOLA ULIGINOSA BESS.
Встречается на юго-востоке республики, где сосредоточено до 40 % мировой популяции вида. Хорошо отличается от других фиалок самым ранним цветением в сырых лесах и кустарниках, крупными цветками. В г. Гомеле известна как «подснежник».

ОДНОЦВЕТКА ОДНОЦВЕТКОВАЯ
АДНАЦВЕТКА АДНАКВЕТКАВАЯ
MONESES UNIFLORA (L.) A.GRAY
Встречается изредка к западу от линии Брест–Минск–Витебск, а к востоку от нее – очень редко, эпизодически. Хорошо отличается от других видов довольно крупным беловатым, наклоненным книзу одиночным цветком. Произрастает в старых сосновых лесах, по окраинам лесных болот.

ЛУННИК ОЖИВАЮЩИЙ
ЛУННІК АЖЫВАЮЧЫ
LUNARIA REDIVIVA L.
В республике встречается в сырых лесах в основном к северу от Минска и очень редко – на востоке Брестской области. Хорошо отличается крупными размерами ко времени цветения, оригинальными светло-лиловыми душистыми цветками и осенью остающимися от плодов полупрозрачными пленками.

ЛАПЧАТКА БЕЛАЯ
ДУБРОЎКА БЕЛАЯ
POTENTILLA ALBA L.
Встречается редко в широколиственных лесах к югу от линии Гродно–Слуцк–Гомель, к северу от нее – единично. Хорошо отличается пальчатыми, снизу бело-серебристыми листьями и весенними белыми цветками, напоминающими цветки земляники.

ДРОК ГЕРМАНСКИЙ
ЖАЎТАЗЕЛЬ ГЕРМАНСКІ
GENISTA GERMANICA L.
Встречается редко в сосновых, смешанных и березовых лесах на юго-востоке (Гомельская область) республики и единично на западе Брестской области. Хорошо отличается от дрока красильного опушением всего растения и колючками, которые ощущаются рукой при попытке сжимания ветвей.

ЧИНА ГЛАДКАЯ
ЧЫНА ГЛАДКАЯ
LATHYRUS LAEVIGATUS (WALDST. ET KIT.) GREN.
Встречается в широколиственных и смешанных лесах, оврагах к западу от линии Брест–Минск–Витебск, не переходя через Западную Двину. Хорошо отличается от других бобовых оранжево или кирпично окрашенным венчиком во время цветения и значительными (до метра) размерами.

ШАЛФЕЙ ЛУГОВОЙ
ШАЛФЕЙ ЛУГАВЫ
SALVIA PRATENSIS L.
Встречается по открытым склонам и светлым лесам в Гомельской области. На остальной территории Беларуси – как заносный, вдоль дорог, в лесах. Хорошо отличается крупными синими цветками в соцветиях и крупными листьями. Одно из красивейших растений нашей флоры.

ВОДЯНОЙ ОРЕХ ПЛАВАЮЩИЙ (ЧИЛИМ)
ВАДЗЯНЫ АРЭХ ПЛАВАЮЧЫ (ЧЫЛІМ)
TRAPA NATANS L.S.L.
Встречается в озерах, речных затоках и старицах в основном в пределах Гомельской области и в некоторых озерах Витебщины к северу от Западной Двины. Хорошо отличается плавающими по воде листьями в розетке, напоминающими листья березы, и оригинальными плодами – орехами с 2–4 крупными острыми выростами-шипами.

КУВШИНКА БЕЛАЯ
ГАРЛАЧЫК БЕЛЫ
NYMPHAEA ALBA L.
Встречается в Брестской и Гомельской областях, единично – в соседних по мелководным озерам, речным затокам и старицам. Вопреки устоявшемуся мнению, хорошо отличается от кувшинки чисто-белой зелеными снизу листьями. Отличие по бледно-желтому пестичному диску, форме тычинок и пыльце в цветке требует специального оборудования и знаний.

АРНИКА ГОРНАЯ
КУПАЛЬНІК ГОРНЫ
ARNICA MONTANA L.
Встречается в сосновых и смешанных лесах на большей части республики, практически не заходя за Западную Двину, Днепр и Припять. Хорошо отличается от других сложноцветных крупным ромашкообразным желтым «цветком»-корзинкой с повисающими желтыми лепестками. В последнее время численность сокращается очень быстро.

ст. 27

МНОГОНОЖКА ОБЫКНОВЕННАЯ
МНАГАНОЖКА ЗВЫЧАЙНАЯ
POLYPODIUM VULGARE L.
Встречается редко в основном по высоким берегам рек, озер, на склонах, в хвойных лесах к западу от линии Малорита–Узда–Вилейка–Браслав, восточнее – единично. Хорошо отличается от других папоротников вечнозелеными листьями (вайями) оригинальной формы. В последние годы отмечается немного чаще.

ШПАЖНИК (ГЛАДИОЛУС) ЧЕРЕПИТЧАТЫЙ
ШПАЖНІК (ГЛАДЫЁЛУС) ЧАРАПІЦАВЫ
GLADIOLUS IMBRICATUS L.
Встречается изредка на лугах, опушках, в кустарниках, почти по всей территории Беларуси, за исключением некоторых центральных и юго-восточных районов. Легко распознается даже по фотографии, сделанной во время цветения, по характерным крупным пурпурным цветкам в соцветии. В последнее время наметилась тенденция к снижению численности в результате закустаривания лугов и опушек.

ВЕТРЕНИЦА ЛЕСНАЯ
КУРАСЛЕП ЛЯСНЫ
ANEMONE SYLVESTRIS L.
Встречается редко на опушках, хорошо прогреваемых склонах, местами образует заросли преимущественно в западных и восточных регионах республики. Хорошо различима в пору цветения (зацветает с середины мая – на 2–3 недели после ветреницы дубравной) и более крупными (4–5 см в диаметре) цветками.

ЛУК МЕДВЕЖИЙ (ЧЕРЕМША)
ЦЫБУЛЯ МЯДЗВЕЖАЯ (ЧАРАМША)
ALLIUM URSINUM L.
Встречается изредка почти по всей территории республики в сырых и слегка заболоченных лесах (в центральных, западных районах, на самом севере и юге – единично). Местами образует заросли. Очень страдает от неумеренного сбора населением. Растение легко различимо в пору цветения и вегетации за счет характерного чесночного запаха.

ЛИЛИЯ КУДРЕВАТАЯ
(ЦАРСКИЕ КУДРИ)
ЛІЛЕЯ КУЧАРАВАЯ
(ЦАРСКІЯ КУЧАРЫ)
LILIUM MARTAGON L.
Встречается изредка в различных лесах на большей части территории республики, за исключением северной и северо-западной частей Беларуси. Легко распознается даже по фотографии, сделанной во время цветения, по характерным цветкам и листьям в мутовках.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК НАСТОЯЩИЙ
ВЕНЕРЫН ЧАРАВІЧАК САПРАЎДНЫ
CYPRIPEDIUM CALCEOLUS L.
Встречается очень редко в глухих сыроватых широколиственных лесах и кустарниках преимущественно на юге республики, образуя так называемый орхидный пояс. На севере – крайне редко, на остальной территории Беларуси – единично. Легко распознается даже по фотографии, сделанной во время цветения, по характерным крупным цветками.

ПРОСТРЕЛ ЛУГОВОЙ
СОН ЛУГАВЫ
PULSATILLA PRATENSIS (L.) MILL. S. L.
Встречается редко в сухих лесах в южной и западной частях республики, не доходя до Минска. Легко различим во время цветения и напоминает прострел раскрытый, но с более мелкими цветками. Сильно страдает от неумеренного сбора населением и в последние годы встречается значительно реже.

ПРОСТРЕЛ РАСКРЫТЫЙ
СОН РАСЧЫНЕНЫ
PULSATILLA PATENS (L.) MILL.
Встречается изредка в сухих лесах практически по всей территории республики, за исключением некоторых районов на юге. Легко различим даже по фото, сделанному во время цветения. Сильно страдает от неумеренного сбора населением и в последние годы встречается значительно реже.

КУПАЛЬНИЦА ЕВРОПЕЙСКАЯ
ПЯРЭСНА ЕЎРАПЕЙСКАЯ
TROLLIUS EUROPAEUS L.
Встречается редко в сырых лесах и кустарниках, на пойменных лугах по всей территории республики, при этом немного чаще в центральных и северо-западных районах. Легко различается в пору цветения по своим крупным (до 5 см) желтым цветам шаровидной формы. Страдает от неумеренного сбора населением.

ЛИННЕЯ СЕВЕРНАЯ
ЛІНЕЯ ПАЎНОЧНАЯ
LINNAEA BOREALIS L.
Встречается редко в хвойных лесах к западу от линии Брест–Слуцк–Горки, восточнее – единично. Можно выявить в июне-июле по характерным мелким бледно-розовым колокольчатым цветкам. Индикатор слабонарушенных лесов. Любимое растение основоположника ботаники Карла Линнея.

ХОХЛАТКА ПОЛАЯ
ЧУБАТКА ПУСТАЯ
CORYDALIS CAVA (L.) SCHWEIGG. ET KÖRTE
Встречается редко в широколиственных лесах к востоку от линии Брест–Минск–Витебск, при этом в восточных районах несколько чаще. Хорошо различима во время цветения по размерам (до 30 см) и цельным прицветным листьям.

САЛЬВИНИЯ ПЛАВАЮЩАЯ
САЛЬВІНІЯ ПЛАВАЮЧАЯ
SALVINIA NATANS (L.) ALL.
Встречается редко по речным затокам и старицам в Гомельской и единично в Брестской областях. Местами образует значительные заросли. Хорошо различимый водный папоротник, плавающий на поверхности воды. Сильно страдает при ловле рыбы сетями.

Нам важна любая информация про эти и другие охраняемые виды растений:
как выявленные Вами места произрастания, подтвержденные несколькими фотографиями с разных ракурсов или гербарием, так и информация об их исчезновении или уничтожении для установления динамики численности этих видов в республике.
Все данные и вопросы по ним можно присылать по электронной почте: arnica-ac@yandex.by, или по телефону 8-029-616-43-47.
Для гербария следует собирать часть растения, желательно с цветками или плодами и БЕЗ КОРНЕЙ!

Уважаемые натуралисты! Зарегистрируйтесь на сайте АПБ florafauna.by. На него вы сможете отправить фотографию любой вашей находки, а специалисты помогут ее правильно определить. Общими силами создадим кадастр растений и животных страны.

МНОГОНОЖКА ОБЫКНОВЕННАЯ
МНАГАНОЖКА ЗВЫЧАЙНАЯ
POLYPODIUM VULGARE L.

ШПАЖНИК (ГЛАДИОЛУС) ЧЕРЕПИТЧАТЫЙ
ШПАЖНІК (ГЛАДЫЁЛУС) ЧАРАПІЦАВЫ
GLADIOLUS IMBRICATUS L.

ВЕТРЕНИЦА ЛЕСНАЯ
КУРАСЛЕП ЛЯСНЫ
ANEMONE SYLVESTRIS L.

ЛУК МЕДВЕЖИЙ (ЧЕРЕМША)
ЦЫБУЛЯ МЯДЗВЕЖАЯ (ЧАРАМША)
ALLIUM URSINUM L.

ЛИЛИЯ КУДРЕВАТАЯ (ЦАРСКИЕ КУДРИ)
ЛІЛЕЯ КУЧАРАВАЯ (ЦАРСКІЯ КУЧАРЫ)
LILIUM MARTAGON L.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК НАСТОЯЩИЙ
ВЕНЕРЫН ЧАРАВІЧАК САПРАЎДНЫ
CYPRIPEDIUM CALCEOLUS L.

ПРОСТРЕЛ ЛУГОВОЙ
СОН ЛУГАВЫ
PULSATILLA PRATENSIS (L.) MILL. S. L.

ПРОСТРЕЛ РАСКРЫТЫЙ
СОН РАСЧЫНЕНЫ
PULSATILLA PATENS (L.) MILL.

КУПАЛЬНИЦА ЕВРОПЕЙСКАЯ
ПЯРЭСНА ЕЎРАПЕЙСКАЯ
TROLLIUS EUROPAEUS L.

ЛИННЕЯ СЕВЕРНАЯ
ЛІНЕЯ ПАЎНОЧНАЯ
LINNAEA BOREALIS L

ХОХЛАТКА ПОЛАЯ
ЧУБАТКА ПУСТАЯ
CORYDALIS CAVA (L.) SCHWEIGG. ET KÖRTE

САЛЬВИНИЯ ПЛАВАЮЩАЯ
САЛЬВІНІЯ ПЛАВАЮЧАЯ
SALVINIA NATANS (L.) ALL.

Фота Аркадзя Скуратовіча, Дзмітрыя Дубовіка

На жаль, гібель птушак ад сутыкнення са шклянымі вітрынамі і шыбамі – далёка не адзіная праблема, якая ўзнікла ў апошнія дзесяцігоддзі ў выніку інтэнсіўнага наступлення чалавека на прыроду. Сотні і тысячы кіламетраў ліній электраперадач, без якіх мы проста не можам уявіць сабе наша сучаснае жыццё, аказваюць, паміж іншым, і сур'ёзнае негатыўнае ўздзеянне на жывую прыроду, у першую чаргу на птушак. Правады і апоры ЛЭП з'яўляюцца зручнымі месцамі прысады, а апошнія – часта і месцамі размяшчэння гнёздаў некаторых відаў птушак, асабліва ў адкрытых мясцовасцях. Зразумела, што пры такім шчыльным кантакце пазбегнуць няшчасных выпадкаў проста немагчыма. У асобных рэгіёнах Расіі і Казахстана гібель ад паражэння электрычным токам, або проста ад сутыкнення з правадамі, нават уваходзіць у спіс крытычных фактараў, якія пагражаюць існаванню некаторых відаў буйных драпежных птушак.

Вынікі даследаванняў, якія не так даўно пачаліся ў Беларусі, паказалі, што гэтая праблема даволі востра стаіць і ў нашай краіне, а яе вырашэнне патрабуе неадкладнай пільнай увагі з боку навукоўцаў і ахоўнікаў прыроды.

СКАПА

фота Сямёна Левага